Безумное благо

Эрик Нёхофф

SHOUT
SHARE
IT

-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

Эрик Нёхофф

БЕЗУМНОЕ БЛАГО

Перевод с французского Марии Лазуткиной

Eric Neuhoff
Un bien fou
Copyright © Editions Albin Michel S.A., 2001
Перевод © М. Лазуткина, 2005

Leave no regrets on the field.[1]
(надпись у входа в раздевалки
на американских футбольных стадионах)

Предупреждаю: вам не понравится. Неважно. Прочтите внимательно это письмо. Очень вам советую. Некоторые детали вас заинтересуют. Вы меня здорово надули. Теперь вы за это заплатите. Самое время. Это не пустые слова. Я-то ведь не писатель. Для меня слова имеют смысл. И у них есть последствия. Вы увидите, я уверен, что все это вам не понравится.

Вы узнали мой почерк. Вы вскрыли большой конверт из крафт-бумаги этим своим разрезным ножом, с которым вы так

носитесь, потому что вам подарила его одна знакомая голливудская актриса. Аккуратно достаньте листки. Вот так. *Хорошо*. Спокойно. Вы слишком торопитесь. То, что я намерен вам сказать, может подождать пару лишних секунд. Слишком поздно что-либо менять.

Кстати, как ваши дела? Сейчас утро? Вас больше не беспокоят проблемы с кровообращением? Ладно, из-за меня сегодня не ваш день. Знаете ли, вам крупно повезло. Вы даже не подозреваете, рядом с чем вы прошли. Я вам объясню.

У нас полно времени. Садитесь за свой письменный стол. Поверните вращающееся кресло. Еще рано. Мод выпила свой первый кофе, и ее пустая чашка так и стоит на кухонном столе. Мод снова легла. Ей это больше всего нравится: вновь засыпать, позавтракав в одиночестве посреди пока еще тихого дома, где погашены все огни, за исключением света в открытом холодильнике. Я заходил в ее спальню. Ее волосы на подушке казались длиннее, чем я думал. Они действительно удлинялись. Она решила их отращивать. Ее лица совсем не было видно под простынями. Она спала на животе, ее дыхание было едва уловимым. Когда-то она обвиняла меня в том, что я храплю. Я не верил ей. Сегодня мой храп уже никому не мешает.

Признаю́сь, мне тяжело говорить о ней в прошедшем времени. Так надо. Я недостаточно смотрел на нее. Всегда нужно больше смотреть на людей. Я не был этому обучен. Нас в нашей профессии заставляют держать людей за придурков. Это вопрос жизни и смерти.

Никакой пощады. Я брошусь очертя голову. Я буду вами, я не стану читать дальше. Я должен выложить вам все, что у меня на сердце. Великий писатель, как же! Старый мерзавец, да. Я знаю, нарушив окружающее вас молчание, я не сдержу свое слово. Но ведь и вы в вполне сдержали свое. Правда, вы мне никогда ничего не обещали.

И все-таки как же я любил вас! Когда я говорю: вас, я имею в виду ваши книги. Потому что я увидел изнанку — и благодарю покорно.

Назовем вещи своими именами: вы были сволочью. Да и Мод не так уж кристальна. В этом мы абсолютно согласны.

Честно говоря, когда я вас в первый раз увидел, я вас не узнал. Мне это простительно. Все ваши фотографии — столетней давности. И все черно-белые. Вы на них такой чуть сутулый господин, уже седой, в твидовом пиджаке с замшевыми заплатами на локтях. И что вы забыли в Италии тем летом? Ностальгия замучила? Дудки! Положим, ваш старший брат был ранен в

Анцио.[2] Но кроме этого — никаких зацепок. Ваши родители были евреями с Парк-авеню. У них водились денежки. Такие элегантные, культурные денежки. Они жили в достатке и ни о чем не тужили. Ваша самая известная книга начиналась такой фразой: «Я ничего не хочу сказать, но мои родители были действительно богаты». По-английски это звучит еще лучше.

Люди в гостинице не знали, кто вы такой. И не они одни. Я сам даже не догадывался, что мой сосед — самый загадочный из современных американских писателей. Для меня эти каникулы под Римом были ошибкой. В дальнейшем все это подтвердило.

Сначала вы не сказали нам, кто вы такой. Ваша легендарная осторожность. Мод резвилась вовсю. Она играла с собаками, бросая им теннисные мячи. Вы нам сразу солгали. Вы-де приехали из Чикаго. Вы и впрямь параноик. Как будто настоящий адрес мог нас насторожить. Мы вообще-то не знаем наизусть карту Соединенных Штатов. Вермонт нам ни о чем таком не говорит. Мы всего лишь французишки. Чикаго? Почему Чикаго? Из-за озера, открытого всем ветрам? Из-за гангстерских историй? «Я из Чикаго»: ложь была ни к чему. Уверяю вас, если бы вы просто сказали: «Я живу в Вермонте», — мы бы не подумали немедленно: «О, должно быть, это Себастьян Брукинджер».

Факт остается фактом. Вы довольно интересный мужчина для ваших лет. Я должен это признать. Вас нельзя не заметить. Эта белая шевелюра, эта чуть согбенная фигура человека, чей рост превышает метр восемьдесят пять. Что вы делали на Понце? Вы читали вслух маленькой девочке туристическую брошюру на террасе. На дорожке, ведущей к пляжу, лежал перевернутый трехколесный велосипед желтого цвета. Официант принес вам пиво. Налил его осторожно, наклоняя стакан, чтобы пена не была слишком густой. Девочка подняла велосипед. Он был чересчур мал для нее. Это была одна из ваших внучатых племянниц. Лет этак десяти. Светловолосая, загорелая, уже безо всяких детских округлостей. Зоэ — так ее звали. Еще немного, и она начнет разбивать сердца. Эти бедные богатенькие девочки очень скоро начинают разбивать сердца парней. Они инстинктивно умеют это делать. Я наблюдал за ней. Закрытый темно-синий купальник, черные босоножки, она часто зевала. Скучала, понятное дело, в чужой стране с типом, вроде вас. Она не знала ни слова по-итальянски. Вы тоже не слишком в этом преуспели. Вы заговорили с нами как раз для того, чтобы узнать, как будет «виноград». Зоэ надоело мороженое. «Uva», — сказала Мод. Виноград будет «uva». Вы пригласили нас вместе заказать десерт. Мод снова взяла тирамису. Вот что в ней было действительно здорово — она не следила за своим весом. Питалась, как хотела,

и не полнела. Последние клиенты закончили обедать. Никто не купался в бассейне. Сиеста соблюдалась строго. Тогда-то вы и сказали нам, что вы из Чикаго. Я заказал еще кофе. Где-то над нами зазвонил мобильный телефон. Бело-голубая рубашка хорошо сочеталась с вашей обгоревшей на солнце кожей. Вы только что приехали на Понцу и провели все утро на пляже, не намазавшись кремом. Мод прекрасно разбиралась в кремах. Она посоветовала вам самую-самую, по ее словам, марку. Тут можно доверять. Мод или крему для загара «Клаусвиц». Она загорала до черноты за два дня. Прибегала к разным изощренным хитростям, чтобы загореть быстрее. Она встала, попрощалась с вами, сказала, что поднимется в номер почитать газеты. Я смотрел, как она удалялась в своем парео. Вы заказали порцию граппы. Зоэ попросила разрешения искупаться в бассейне. Вы взглянули на свои часы и сказали «да». Я не был особенно уверен в своем английском. В кино я понимаю почти все диалоги, даже не читая субтитры. В разговоре все не так очевидно. Между нашими фразами было много пробелов. На остатки растаявшего мороженого села оса. Мы наблюдали за ее безуспешными попытками снова взлететь. Ее крылышки увязли в ванили. Вы велели Зоэ выходить из воды. Подошел официант.

— Виски, синьор?

Вы сделали вид, что раздумываете, и затем отказались.

— Они думают, что раз я американец, я непременно должен любить виски.

Официант, не понимая его слов, улыбался и переминался с ноги на ногу.

— Принесите лучше «кровавую Мэри».

Ее не оказалось. На этот раз вы недолго думали.

— Тогда «джин-физз». А вам?

— То же самое.

Вы подписали счет. Я, в свою очередь, откланялся. *Thanks for coffee*.[3] В номере Мод принимала душ. Она делала это трижды в день. Порой мне казалось, что я Норман Бейтс[4] в своем мотеле. Она слышала, как в соседнем номере шестнадцать раз прозвонил телефон. Сиеста была испорчена. Я улегся на кровать, чтобы почитать в журнале статью про английского миллиардера, скончавшегося в прошлом месяце. Он так прочно сидел на наркотиках, что когда решил завязать, ему пришлось платить дилеру, чтобы тот не приходил. Мод выскочила из ванной и потребовала, чтобы я подвинулся и дал ей лечь рядом. Я отложил чтиво. Когда я снова взял журнал, он был весь измят.

Гостиница находилась недалеко от пляжа. Нужно было спуститься по извилистой тропинке. Дальше было нечто вроде

тоннеля, в котором изрядно пахло мочой. Бухту окружали желто-зеленые скалы. Иногда мы с Мод обедали в ресторане на пляже. Ели что-нибудь легкое, салат из помидоров и желтые персики. Официант в своей кепке козырьком назад был похож на американского актера, имя которого я забыл. У меня облезал нос. Мод ругала меня за то, что я не мазался кремом. Ночью приходилось спать на боку. Малейшее движение заставляло меня стонать, как от пыток.

На следующий день Мод одолжила у вас свежую газету. Она сказала мне: «Скоро увидимся». Соломенная шляпа покрывала ее лицо клетчатой тенью. Небо было синим до боли, до ощущения несправедливости. Я присоединился к Мод на пляже. Тучная дама, закутавшись в огромное махровое полотенце, силилась снять купальник. Это было непросто. Наконец, купальник ярко-розового цвета оказался на уровне ее лодыжек. Она сбросила его на песок быстрым движением ноги. Натянуть юбку стоило ей меньших усилий. Такса с лаем бежала за воздушным змеем.

Вечером вы пригласили нас поужинать в порту. Ресторан был забит до отказа. Вы правильно сделали, что заказали столик заранее. В зале подростки играли в американский бильярд по сто лир за очко. Метрдотель проводил нас к столу на террасе. Он вытащил из бокала бумажку, на которой было написано имя — совсем не то, которое вы нам назвали. Я спросил себя, уж не шпион ли вы. Не дожидаясь, вы заказали для всех «Кампари».

— Жаль, что здесь нет кинотеатра. Я хотел бы посмотреть итальянский фильм в кинотеатре под открытым небом.

Мод, доедавшая пиццу, кивнула с набитым ртом. Она весь день не причесывалась. Волосы ее выцвели от солнца. А может от морской воды? За ужином она легонько стучала кулаком вам в плечо. У нее такая привычка с людьми, которых она ценит. Как бы проявление нежности. Поначалу Мод все время так со мной делала. В первый раз вас это немного обескуражило. Вы почесали лопатку. Ваша племянница пришла в восторг от моих часов с наклонными цифрами на циферблате. Она хотела такие же.

Если Мод суждено было меня бросить ради другого, я готов был держать пари, что она уйдет к тому парню, ужасно обгоревшему на солнце. Особенно досталось его плечам. Она приметила его, когда он сидел на своем полотенце с зеленым рисунком. Он хорошо плавал. Было видно, что он с детства участвует в соревнованиях. Баттерфляй, брасс, кроль на спине — он умел по-всякому. Больше мы его не видели.

Острова. Не говорите мне больше про острова. А ведь когда-то я их любил. До вас у меня были только приятные воспоминания. Я так и вижу Мод на Джиглио, на надувном матрасе в тот день, когда появились медузы, огромные серебристые медузы размером с купол Дворца Инвалидов. Я так и вижу ее на Форментере, на надувной лодке, у которой спускал один из баллонов. Она тщетно дергала за веревку мотора, пытаясь привести в действие девять с половиной лошадиных сил. Я вижу, как она пьет капуччино на пирсе на Фанареа, в окружении маленьких повозок, поджидающих вечерний катер и его пассажиров. Вижу ее на Сими, как она с гримасой отвращения жует лапку осьминога, сочащуюся оливковым маслом. Вижу ее на Понце — нет, я не вижу ее на Понце. Когда я возвращаюсь мыслями к Понце, я вижу только вас. Вы мне все испортили. Вы загораживаете мне экран. Отойдите, черт побери. Да, отвали, старик. Если ты поторопишься, тебя, может быть, простят. Давай, шевелись, говорю тебе.

Билетами занималась Мод. Она заметила фотографию этого места в витрине туристического агентства. Этого ей было достаточно, чтобы открыть дверь и войти. Она назвала даты, я согласился. Понца поразила дикой красотой. Пляжи, по большей части недоступные со стороны суши, отвесные прибрежные скалы, двурогие утесы, словно выцарапанные каким-то доисторическим чудовищем, бесконечный тропический горизонт, белесый от жары. Почти нет машин. При большом желании остров можно было обойти пешком за день. Тем не менее, пришлось арендовать скутер. В порту размалеванная брюнетка продавала рыболовные снасти. Оборудование для подводного плавания располагалось у стены справа. В глубине рядами стояли удочки разной длины. Спиннинговые катушки были выставлены в застекленном шкафу. В углу несли караул желтые баллоны с кислородом. Неплохой выбор масок и трубок. Мотки тросов свешивались с потолка.

Отель нависал над бухтой. Ночью на балконе раздавался треск неведомых насекомых. Это был мягкий и волнующий шум в темноте. Мод ко мне прижималась, несмотря на мои солнечные ожоги. Вдали над морем блестели огни. Видимо, там было побережье. Неужели побережье так близко? Днем ничего нельзя было различить.

Поначалу наши отношения сохраняли этот характер нерешительности. Мы не осмеливались сделать некий шаг. Всякий раз мы словно начинали с нуля. Нередко возникало молчание. Можно было подумать, вы что-то скрываете. Мы часто ужинали за одним столом. Ваша племянница засыпала, даже не

дождавшись десерта, уронив голову к вам на колени. Через какое-то время я заметил, что у вас никогда не было с собой книги. Мне это показалось странным. Все читают на отдыхе. О чем вы думали весь день? Как вам удавалось не скучать? После пляжа Зоэ шла смотреть по телевизору мультики на итальянском языке. Они одинаковы во всем мире, не обязательно понимать слова.

Кроме шуток: я никак не рассчитывал наткнуться на соперника Набокова. Мод, знаете ли, слегка старовата для Лолиты. Она скрывает свой возраст. А вы? Скоро восьмой десяток. У семидесятилетних писателей еще стои́т? У меня нет времени, подробно излагать вам все, что у меня на сердце.

Я тут подумал: я никогда вам не рассказывал, как познакомился с Мод. Хотите послушать? Отлично. Тогда вернемся на несколько лет назад. Это было весной в Париже, в один из таких бодрящих дней, когда солнце перестает быть робким. Я подыскивал жилье. Мне не продлили аренду. Я должен был съехать с улицы Сирк. В направлении левого берега Сены. Мод работала в агентстве недвижимости. Она показала мне один вариант на улице Бак. Слишком большая площадь, требовался ремонт. Огромные балки, с которыми ничего нельзя было сделать. Я же хотел две комнатки со стенными шкафами и шкафом для книг. Мод перезвонила на следующей неделе. Она нашла то, что мне нужно. Я просил рассказать поподробнее. Она ни в какую не соглашалась. Ни слова. Сюрприз, сюрприз, сказала она тоном Шарлотты Рэмплинг[5] в «Сиреневом такси». Доверьтесь мне. Адрес узнать так и не удалось. Встреча была назначена на следующий день: завтрак во «Флор». Я не посмел сказать ей, что предпочитаю «Дё Маго».

Я сказал себе, что Париж — действительно потрясающий город. Красивые девушки встречаются даже в метро. Мы живем в такое время, когда, похоже, всем женщинам тридцать пять. Впрочем, в этом городе слишком много интересных женщин. Меня это убивает. Я постоянно вижу, как они поднимают руку в кафе, чтобы попросить счет, вижу в офисах или когда они ждут на стоянках такси. Я слышу их по телефону с этой их ноткой обещания в голосе. Я встречаю их в отделе DVD книжного магазина «ФНАК». Я обнаруживаю, что они ведут передачи на кабельном телевидении. Они обладают удивительной способностью ежедневно вновь творить себя. Я убежден, что все они могли бы рассказать захватывающие истории о любви и отчаянии. Я никогда не узна́ю этих историй, этого нагромождения потрясающих судеб и глупо растраченных возможностей.

Я не узнал ее. Она пришла раньше меня, а я ее не узнал. Так бы и врезал себе по морде за это. Я осмотрел террасу, поднялся на второй этаж, но и там ее не увидел. Я окинул взглядом зал и уселся за столик. Через минуту передо мной возникла темноволосая девушка. Я подумал, что сумочка, лежавшая на банкетке около меня, принадлежит ей, и она хочет забрать ее. Она заговорила, и только тут до меня дошло. Надо придумать специальные таблетки, чтобы не краснеть. Я предположил, что она постриглась, но ничего подобного. Она засмеялась и покачала головой.

— Пошли?

Я оставил недопитый кофе остывать. Возле газетного киоска я дал десять франков бездомному, который торчит там дни напролет. Апрель уже заставил деревья на бульваре Сен-Жермен распустить свои свеженькие зеленые листочки. Загорелые мужчины в футболках, открывающих мускулистые руки, выгуливали терьеров породы «Джек Рассел». DINK. Double Income No Kids.[6] Все больше и больше вызывающие интерес рекламодателей. Станьте голубым, и вам продадут еще больше дерьма, чем другим.

Она прищурилась и, порывшись в сумочке, достала очень модные солнечные очки. Я просто смотрел на нее. Мне сразу понравилась ее манера представать чужим взглядам. Я шел за ней по тротуару. Она обошла собачью какашку, сделав танцевальное движение. Очень гармонично. Походка, фигура. На лице неизменное выражение удивления, как будто ее ослепили вспышкой. Она накрыла мою руку своей ладонью. Ладонь была прохладной. Это был тот тип жгучих брюнеток, который другие девушки неминуемо находят вульгарным. Они всегда это говорят. Пускай другие говорят, что хотят. Рядом с Мод другие девушки просто не котировались. Она была создана для меня. Она еще не знала этого, но я видел в ней женщину своей жизни. Вы ничего не придумали. Не только в ваших книгах парень может встретить в симпатичном месте девушку, которая ему понравится. Ее «мини» стоял на подземной парковке. На улице Гренель она проехала на красный свет.

Мод бросила машину прямо на тротуаре. Набрала код, сверяясь с записями в своем еженедельнике. Лифт не работал. У Мод были ключи. Четвертый этаж, вид на церковь святой Клотильды, большая доплата за мебель, оставленную предыдущими жильцами. Предложение было заманчивым, но события развивались как-то чересчур быстро.

— Как будете проводить отпуск? — спросила Мод около

двери на балкон.

Все началось именно так. Она любила принимать решения в последний момент. Все складывалось удачно, у меня не было никаких планов. Она отменила все назначенные на тот день встречи. Мы пообедали в ресторане в районе Дворца Инвалидов. В машине я повернулся к ней.

— Даже не знаю, как бы мне вас поцеловать.

— Вот так, — ответила она, придвигаясь.

После обеда я погрузился в путеводители. Мы провели уикэнд на Нуармутье,[7] в гостинице «Буа де ля Шэз».

В следующий понедельник я отправился к Мод. Последний этаж углового дома на улице Мезьер с балюстрадой из тесаного камня. Высунувшись подальше, можно было увидеть башни церкви святого Сульпиция. Прощай, святая Клотильда. Я оставил одну церковь ради другой. Грешок-с.

— Только не говорите мне, что вы ходите к мессе, — сказала Мод.

— Только на отпевание. Я обожаю похороны. В кои-то веки люди могут подумать о чем-то, кроме ближайших распродаж или как дотянуть до конца месяца.

— О-о, да вы философ.

Кожа на ее щеках морщинилась совершенно невероятным образом, когда она улыбалась. Я тотчас же влюбился в эти десятки мелких морщинок, регулярно появлявшихся на ее лице.

— Мы так и не переспали.

— И чего мы ждем?

Первая ночь с Мод.

— Что это за шрам? — спросила она, проводя пальцем по моей левой ноге.

— Моя испанская война. *No pasaran*![8]

— То есть?

— Авария на мотоцикле. Пятнадцать лет тому назад, на Коста-Брава.[9] Я не люблю говорить об этом.

— Вы вообще ни о чем не любите говорить. Что вы чувствуете, когда я делаю вот так?

— Нечто вроде дрожи. Не знаю, приятно это или невыносимо. Перестаньте, пожалуйста.

Она послушалась, натянула простыню до самого подбородка.

— Вам удалось продать особняк на улице Нева?

Это был большой лот. Четыре этажа, терраса, все требует ремонта.

— Продано.

— Как вы умудрились?

— Моя грудь. Вы теперь с ней знакомы.

Она протянула руку вдоль покрывала. На ночном столике лежала биография герцога и герцогини Виндзорских.

— Может, перейдем на ты? — сказала Мод, опершись на локоть.

Я очень скоро переехал. В подъезде была просто потрясающая входная дверь, достойная какого-нибудь мушкетерского фильма. Посреди внутреннего дворика — фонтан. Лифт старинный, с решеткой и распашными дверями. У нее в квартире был громадный серый диван. Она частенько спала на нем, когда не хватало сил разобрать кровать, или, скорее, когда ее заранее удручала мысль о том, что потом кровать снова придется застилать. Стена позади дивана была целиком зеркальная. Мод утверждала, что раньше здесь наверняка был бордель. Она не видела иной причины появления подобного декора. На низком столике возвышалась бутылка минеральной воды, рядом лежали компакт-диски без коробок, в прозрачной вазе стояли белые цветы. Книжка карманного формата висела, раскрытая домиком, на ручке кресла, служившей закладкой. Это была «Тетушка Мэйм» Патрика Денниса.[10] Складная лесенка стояла около этажерки коричневого цвета, на которой не было ничего, кроме безделушек и музыкального центра. Фотографии сцен корриды в коричневых рамках расположились на каминной полке рядом со стареньким латинско-французским словарем «Гаффио», принадлежавшем еще ее отцу. Ткань каштанового цвета совсем пообтрепалась. Переплет держался лишь чудом. Пьер Ле-Тан[11] нарисовал когда-то ее портрет. В квартире было множество коридоров. В ванной пахло ирисовым мылом. В кухне плакат расхваливал на английском языке достоинства пива «Гиннесс». На барной стойке в американском стиле стояла орхидея в горшке. Паркет скрипел при каждом шаге. Здесь (Париж, VI округ) жило счастье. В то же время я сказал себе, что если Мод бросит меня, с ее профессией ей не составит труда найти новую квартиру.

Для меня Мод была чем-то совершенно новым. Она часто ходила по квартире босиком. У нее были большие ступни с длиннющими пальцами. Ногти выкрашены в розовый цвет. Ей было очень тяжело носить остроносые лодочки, которые тогда считались жутко модными. «Мои стопы!» — говорила она. Я улыбался и не мог поверить, что живу с девушкой, которая говорит «стопы» в 1990-каком-то году. Я утыкался носом в ее шею, между волосами; вдыхал фруктовый аромат ее духов, к которому примешивался запах шампуня, и чувствовал, как

подступает головокружение. Она мягко отталкивала меня и трясла головой: я мешал ей звонить по телефону.

Я поставил диск «Роллинг Стоунз» и спросил Мод, не хочет ли она потанцевать.

— Ты что, того? — сказала она, покрутив указательным пальцем у виска.

Я настаивал. На самом деле она не умела танцевать. Пришлось ее учить. Мик Джаггер надрывался в динамиках. Мод нехотя встала. Я схватил ее за руку и заставил повернуться кругом. Мало-помалу стало получаться. Она хохотала. Ее чувство ритма не казалось ей убедительным. Я не мог поверить, что эту девчонку никто никогда не приглашал на быстрые танцы. Через какое-то время она сняла свою кожаную куртку. Слишком жарко. Ей начинало нравиться, она училась со всей серьезностью. Песня закончилась.

Я нажал на кнопку повтора. Я показал ей все движения, которые знал. Она быстро схватывала. Через полчаса она уже практически вела в танце. Танцевала она отлично: ловко и непринужденно. Она остановилась посреди гостиной, провела рукой по лбу. Из-под фиолетовой футболки показался пупок. Мик Джаггер бесконечно повторял одно и то же. Мод снова начала танцевать. Ее робость испарилась. Ее тело изгибалось в такт музыке, ноги переступали, как положено. Мы очаровывали друг друга слаженностью наших движений. Мы гордились собственной легкостью. Я стал уставать. Возраст уже неподходящий для таких марафонов. Она воображала себя героиней «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?».[12] Я сдался. Она пахла свежестью, мылом, вербеной. Мы перестали танцевать и отправились в спальню. Она не сопротивлялась. В постели ей не нужны были уроки. Я сумел соответствовать ситуации. Мелкие капельки пота выступили у нее на шее.

У Мод были проблемы с ее домработницей Бенедиктой. Та исчезла с ключами от квартиры, прихватив с собой содержимое одного из шкафов. Мод рвала и метала. Она дорожила своими кашемировыми свитерами. Пришлось сменить замки.

— Эта Бенедикта, она из Заира?

— Нет, прыщавая бретонка.

— Где ты ее нашла?

— Мне ее порекомендовала одна рыжая дылда с работы. А теперь еще и защищает эту девицу.

— Никогда нельзя доверять рыжим дылдам.

Я взял все на себя. Адвокат, заказные письма, визит к отчиму

девицы, военному со стрижкой ежиком, которого я сперва принял за бортпроводника «Эр Франс». Это длилось два месяца. Мод отблагодарила меня, пригласив в «Спун».[13] Не знаю, как ей удалось раздобыть места.

Вы уехали раньше нас. Прежде чем вернуться в США, вы собирались ненадолго заскочить в Париж. Мы, в свою очередь, тоже не собирались особо задерживаться. Было решено увидеться там. Мы проводили вас до катера. Зоэ махала рукой, стоя на корме. Катер оставлял за собой широкую полосу пены. Он исчез вдали.

Мод пошла прогуляться по пляжу. Ей хотелось побыть одной. Я знал такие моменты. Море у ее ног было теплым. Она наклонилась, чтобы подобрать отшлифованную морем ракушку и поднесла ее к уху, а потом отдала какой-то девочке, сидевшей на песке. Сняла через голову открытую маечку и погрузилась в воду, как всегда аккуратно, чтобы не намочить затылок. Она почти сразу вышла из воды. Горизонт поблескивал. Силуэт Мод выделялся на солнце. Я хотел бы взять ее за руку, чтобы почувствовать пульс. В воздухе висела голубая и горячая летняя дымка, палящая полуденная жара.

Мод проснулась после сиесты. Было заметно, что она спала на левой щеке. Щека была красная и вся сплошь в линиях, пересекающихся, точно детские каракули. Она сказала мне, что в соседнем номере плакала женщина. Мод попыталась разобрать слова, но женщина говорила слишком быстро и по-итальянски. Должно быть, по телефону. Вечером в ресторане мы стали гадать, которая из женщин плакала в телефонную трубку после обеда. Крашеная блондинка с синими тенями на веках и сигаретой в мундштуке? Или мать семейства, которая не притрагивалась к своей тарелке, пока как ее сынишка катал по скатерти хлебные шарики? Ее слегка ожиревший муж разделывал свою дораду[14] с хирургической тщательностью и поминутно требовал у официанта перец. Была еще дама на костылях, которая никогда не ходила на пляж. Она ужинала с газетами, пила безалкогольное пиво и всегда выходила из-за стола, не дожидаясь десерта. Мод так много говорила, что во время еды она прикрывала набитый рот рукой, чтобы продолжить разговор.

У стойки портье нас ждал сюрприз. Вы оставили нам записку. На неуверенном французском вы просили прощения за то, что не сказали нам правду. Так вот: вы — Себастьян Брукинджер. Вы дали нам адрес своей гостиницы в Сен-Жермен-де-Пре. Ну и

попали же мы. Тысячи читателей во всем мире дорого заплатили бы, чтобы оказаться на нашем месте, а мы-то, простофили, даже и не сообразили ничего. Так, лишь «симпатичный американский дедок, правда?»

В последний день случился шторм. Наш отъезд едва не сорвался. Ветер поднимал громадные волны. Катеру на подводных крыльях пришлось остаться у причала. Мы были вынуждены сесть на большой корабль, который шел до побережья ужасно долго. Я помню, что мы ждали отплытия на террасе кафе в порту, и какая-то собачонка подняла заднюю лапу прямо над сумочкой Мод от «Лоншан». Это немедленно вызвало у нее дикий приступ хохота. На Понце она еще много смеялась. Мод засунула монетки в щель автомата, и банка вывалилась с грохотом. «Кока-кола» в ее руке была ледяной. Она откупорила банку.

— Хочешь?

Я покачал головой. Мод отпила прямо из банки.

— Знаешь, никогда не нужно так делать летом на улице.

— Да? Почему это?

— Потому что в банку может незаметно проскочить оса. Можешь себе представить следующий глоток.

Мод пожала плечами. Она никогда не думала о таких вещах.

Корабль ужасно качало. Волны казались многометровыми. Мод было плохо. Она прилегла на скамейку на верхней палубе. Я тоже был не в форме. Не стоило есть бутерброды с салями. Корпус судна неохотно врезался в волны. Нос медленно раскачивался. Наши желудки изображали йо-йо. Я не притронулся к детективу, который захватил с собой в дорогу. Все это длилось несколько часов. Мод была совсем белая, почти до синевы. На берегу трудность состояла в том, чтобы поймать такси. Осталась одна-единственная машина. Мы разделили ее с израильской парой, которая также направлялась в Рим. Мы сделали глупость, сказав шоферу, что не хотим опоздать на самолет. Он гнал, как Витторио Гассман[15] в «Фанфароне», делая двойные обгоны и непрерывно сигналя. У него был отвратительный гудок в три такта. Поездка не улучшила состояние наших внутренностей. Мод корчилась на сиденье. В какой-то момент израильтянин, сидевший впереди, повернулся к нам с перекошенной физиономией и сказал: «*You want to take your plane or you want to die?*»[16]

В Париже мы с вами разминулись. Я сказал себе, что мы никогда больше не увидимся. Вам пришлось спешно возвращаться в Штаты с племянницей, у которой учебный год был на носу.

Всего лишь отложенная партия.

Мы не приехали вовремя в аэропорт Фьюмичино. Мод захотела остаться в Риме, чтобы попробовать тальятелли с базиликом, которые подавали на пьяцца дель Пополо. На террасе сидел тот бородатый актер, который часто играл в фильмах Бергмана.[17] После обеда я показал Мод улицу Маргутта, где когда-то жил Феллини.[18] В «Хэсслере» она сперла зелено-белую фарфоровую пепельницу, на которой черными буквами было выгравировано название отеля. Она была способна на такие штучки.

В сентябре Мод прочитала одну за другой все ваши книги. Мне бы тогда уже следовало заподозрить что-то. Она получила из Соединенных Штатов громадный пакет «ФедЭкс»: полное американское издание ваших романов. Вы надписали для нее каждый экземпляр этим вашим неровным, едва разборчивым почерком. Мод сочла это весьма трогательным. А ведь вы славились тем, что никогда не давали автографов.

В агентстве Родольф был в крайнем возбуждении. Он рассказал мне про свою прошлую ночь. Он питает слабость к актрисам и манекенщицам. По его словам, самые дуры вовсе не те, что мы думаем. На сей раз он поимел веснушчатую девчонку, которая рекламирует на каждом углу духи от Калвина Кляйна (между прочим, весь бюджет достался конкурентам).

— И знаешь что? Знаешь, что было у нее в сумочке?

— Нет. Что же?

— «Мораважин» Сандрара.[19] Ага. Представляешь?

— Она думала, что это пособие по контрацепции?

— Хочешь ее телефон? У меня есть, я тебе дам, ага. Ты же знаешь, я никогда не сплю дважды с одной и той же девчонкой.

— Нет, спасибо.

Родольф требовал, чтобы я познакомил его с Мод. Я не спешил совершать эту ошибку. Честно говоря, я мог бы. Мне не его следовало опасаться.

— Ага. Ладно. Чао белло! Не хочешь пообедать со мной в «Мезон Бланш»?

— Говорю тебе: нет. Отстань.

Родольф постоянно говорит «ага», носит черные рубашки «Лакост» под антрацитовыми костюмами от Пола Смита и никогда не надевает носки, даже зимой. У него дома, на площади Терн, шкаф завешан одними и теми же шмотками в тридцати шести экземплярах. Вопрос элегантности решен для него раз и навсегда. Он слишком много пьет, слишком много курит, слишком сильно поливается одеколоном, слишком много говорит

о Поле Моране.[20] Я помню, как он радовался, узнав, что автор подписал рекламные брошюры для фармацевтических лабораторий. Он был буквально на седьмом небе. Его надежды начинали материализовываться. Родольф до глубины души презирает свою профессию, и именно поэтому он в своем деле лучший. Правда, он мечтает написать серию романов, действие которых разворачивалось бы в отелях. Он также начал некий роман под заглавием «Эпиляция области бикини» Он не слишком любит себя, что в нашем кругу является редким качеством. Развод его совсем вымотал. Его бывшая жена вышла замуж за адвоката, который защищал ее. У Родольфа никогда не будет детей. Он завязал с кокаином. Когда-нибудь он сдаст на водительские права. Я его очень люблю. Когда я познакомился с ним, он был из тех, кто всегда готов устроить революцию, если только это случится не раньше одиннадцати утра. В телефонной книжке его мобильного записано шестьдесят девять номеров. Это число его завораживает. Он ужинал в «Капри» с Сидни Роум.[21] Она по-прежнему блондинка. Глаза все такие же голубые. Я принадлежу к поколению, которое грезит о ножках Сидни Роум. Вы даже не знаете, кто она такая.

Не забыть бы про Мюзара. Борис Мюзар, наш генеральный директор, — лысый и оранжевого цвета. Он загорает под лампой. Публикует книги, эссе о современности. Его часто приглашают на телевидение. Его «негры» обходятся ему в целое состояние.

В агентстве, впрочем, все хотят написать книгу. Это слово не сходит у них с языка. У каждого есть замысел романа, который они лелеют, храня в своем компьютере несколько первых строчек. Им недостаточно придумывать рекламные слоганы. Они выше этого, бедолаги. Послушать их, так они все занимаются рекламой «пока». Их истинное призвание в другом. Все эти будущие гонкуровские лауреаты[22] корпят над кампаниями по продвижению прокладок! Лично меня это никогда не смущало. Я как-то выкручиваюсь. Никаких перепадов настроения. Были периоды, когда некоторые всерьез задавались вопросом, не следует ли бойкотировать меха, не стоит ли прекратить работать на нефтяников, которые провоцируют экологические катастрофы. Эти приступы совестливости быстро проходили. У них был свой срок годности, как у йогуртов. Очередной чек, и все успокаивались, забывали минутное помешательство, и все возвращалось на круги своя. Когда-нибудь они расскажут об этом в своих шедеврах. Вот тогда все всё узнают. Увидят, какими чистыми душами они были на самом деле. Однако те редкие писатели, которых мне доводилось встречать, просто мечтали работать на нас. Наши расценки приводили их в восторг.

Мы погружались все дальше в осень. Париж вновь привык к дождю, к ночам, которые все больше и больше поглощали дни. Мод в ее агентстве поручили организовать размещение американских актеров, приехавших в столицу на съемки. Я же неожиданно получил заказ от одной биржевой фирмы. Время от времени мы говорили о вас.

Затем наступили ощутимые перемены. Мод стала отсутствующей, далекой. Я не привык к такому. Она реже смеялась, думала о чем-то другом. Перестала покупать себе разную одежду — ту, дорогую, которую приносила домой в больших картонных пакетах с ручками из бечевки. Я подарил ей водонепроницаемые часы из одного ювелирного магазина неподалеку от площади Вандом. Нельзя сказать, что нам вас не хватало. Просто иногда один из нас спрашивал у другого, нет ли от вас новостей. Я готов был поспорить, что вы больше не подадите признаков жизни. Мод была уверена в обратном. Шло время. Мы вас понемногу забывали. Мод познакомила меня с новыми друзьями. Она знала дантистов-гомосексуалистов, архитекторов из Тулузы, пресс-атташе из мира высокой моды. Мы отметили ее тридцатилетие за городом, в доме, когда-то принадлежавшем одной кинопродюсерше 60-х годов. Теперь дом занимал некий издатель. Там был теннисный корт, но не было бассейна. Множество ос. Торт пришлось накрыть огромным сетчатым колпаком для сыра. Мод соврала насчет своего возраста: она намеренно состарила себя. Никто ничего не заподозрил. Она бросила на меня взгляд и быстро приложила палец к губам. Я помню ее улыбку в тот момент. Она предназначалась мне одному. Рыжая романистка взвизгнула. Оса укусила ее в руку. Пострадавшую пришлось уложить на траву. Лысый мужчина в легком пиджаке в полоску заявил, что он врач. Отправился за медицинским чемоданчиком к багажнику своего «БМВ»-универсала и всадил автору бестселлера «Большие девочки не любят малышей» укол после того, как муж этого синего чулка объявил всем присутствующим, что у Маривонн аллергия на укусы ос. Все переключились на другое. Мод захотела танцевать. Кто-то поставил диск. Литературный критик предложил издателю сразиться в теннис. Удары мяча разметили вечер. Романистка-которая-не-переносила-укусов-ос пришла в себя и спросила, остался ли еще торт. Никто не обратил на нее внимания. По одной из ее книг был снят сериал для первого канала. Ришар пришел весь взмыленный с ракеткой в руке.

Потом мы получили от вас письмо. Первое из длинного списка. Вы очень поднаторели в написании писем. Это были прекрасные письма на тонкой, почти прозрачной бумаге, написанные заморскими чернилами. Они приходили в небесно-голубых конвертах с чудесными американскими марками. Наш адрес был напечатан на машинке. Вы сообщали нам свои новости. Зоэ получила на день рожденья собаку. Отель прислал вам цветной рекламный проспект, и вы думаете, не поехать ли туда снова на будущий год. А мы? Нам, знаете ли, сложно строить столь долгосрочные планы. Как мы смотрим на то, чтобы приехать в Вермонт? Ну, об этом можно подумать. Мод была на сто процентов «за». Я колебался. Я был, как другие: уважал ваше уединение. Мод в очередной раз взяла все в свои руки. Было решено: мы приедем в середине октября. Пока бабье лето не закончилось.

После этого Мод стала учить английский язык по методу Берлица. Полное погружение. Лучше и не скажешь.

Прыщавую бретонку сменила марокканка, которой не было равных в приготовлении пастильи. На второй день она приклеила скотчем на дверь гардеробной записку для меня:

«Мсье, простите, что не сложила ваши рубашки, как вы обычно. Надеюсь, моя работа вам подходит. Скажите мне завтра. Спасибо. Зара».

Мы часто ходили на приемы как супружеская пара. Это были 90-е годы. Добро пожаловать на борт. Деньги переходили из рук в руки. Никто больше не знал их запаха. Мод купила себе новую блузку «Экуипмент». Компакт-диски окончательно заменили винил. Каролина Монакская[23] снова вышла замуж. Мы как-то забыли, что в нее надо влюбляться. То же самое было с Изабель Аджани.[24] Некоторые люди умирали — даже те, кто не были знаменитыми. В одно из воскресений сгорела штаб-квартира банка «Креди Лионнэ». Было разрешено прерывать телевизионные фильмы рекламными вставками. Все веселились. Друзья доверяли вам свои секреты. Люди привыкали к уродству. Стены покрылись граффити. Песни превратились в рэп. Временами появлялся страх. Не хотелось больше об этом думать. Банкоматы выплевывали новенькие купюры. Все больше женщин закрывали себе лица. Другие же увлеклись пластической хирургией. В обоих случаях их невозможно узнать. Все эти девицы в мини-юбках, выходящие из правой двери красных кабриолетов. Город был полон незнакомцев, которые голосили на тротуарах. Что нам готовила эта эпоха?

Только этого не хватало. Я опять схлопотал штраф. На этот раз целиком и полностью виновата была Мод. Как-то в воскресенье мы поехали на обед к ее друзьям в лес Рамбуйе.[25] Там отлично готовили баранину на вертеле. Дом фотографировали для журнала «Интерьеры». В сарае стоял настоящий настольный футбол, как в бистро. На обратном пути пробка на шоссе началась еще до Поншартрэна.[26] Мод показала мне объездной путь справа. Дорога вела в какую-то деревню.

— Черт, — сказала Мод. — Они сделали одностороннее движение. Козлы! В прошлый раз знака не было.

Я сказал, что это неважно, все равно надо ехать. Мод меня не отговаривала. Дорога, покружив по полю, привела нас к рощице. Там — сюрприз: нас встретил фургон жандармерии. Усатый тип в фуражке сделал нам знак остановиться. Нарушение было налицо. Я подписал бумаги, которые дал мне инспектор. Два месяца спустя я распечатал заказное письмо. Штраф был немыслимый. Мод сказала, чтобы я не платил. Она делала немало глупостей.

Ваши указания были четкими. Я в точности им следовал. После Ганновера я выехал на 89-е шоссе. У прокатного «лексуса» была автоматическая коробка, и сперва я по привычке вместо сцепления жал на тормоз. Машина останавливалась как вкопанная посреди дороги. Всякий раз я едва не влетал носом в руль. А Мод — в приборную панель. Она бросала на меня негодующие взгляды. Я пересек Виндзор, затем проехал по мосту через реку. Далее, как вы и указывали, следовал городок. На центральной площади был музей, рядом магазин «Томми Хилфигер». Я узнал церковь, отмеченную вами на плане. Сразу за муниципальной библиотекой повернуть налево.

Видимо, уже совсем близко. «Упрямая пантера» — гласила раскрашенная деревянная вывеска. На стоянке перед отелем не более десятка автомобилей. День клонился к вечеру, а дождик все никак не решался начаться. Мод вздрогнула и вышла. Ворча, вытянула руки вверх. Медленно пошла к входу.

У стойки портье хозяйка протянула нам факс от вас: «Добро пожаловать в Вермонт! Надеюсь, путешествие было приятным. Было бы хорошо, если бы вы приехали сегодня в шесть вечера на ужин. Как только доберетесь, позвоните мне и скажите, придете вы или нет. Напоминаю мой домашний номер: (802) 362-5623. Жду с нетерпением. Ваш друг Себастьян».

Уже стемнело. Гроза разразилась, как раз когда мы выходили из отеля. Я вел машину, возможно, с излишней осторожностью.

Дворники делали нелепые широкие жесты на лобовом стекле, силясь отразить литры воды. Ничего не было видно. Я зажег свет в салоне, чтобы свериться с планом, который вы присовокупили к факсу. Вот этот самый супермаркет, рядом с «Макдоналдсом», чья желтая «М» взирала на окрестности с высоты своей опоры. На ближайшем перекрестке я повернул направо. Так. Школа на вершине холма. Теперь нужно свернуть на дорогу, обсаженную живой изгородью. Через километр дорога перешла в проселочную. Через равные промежутки появлялись почтовые ящики на колышках. Нам нужен был ящик с номером 802. На ящике никакого имени, только цифры. Чуть дальше табличка *«No trespassing»*,[27] которая напомнила мне начало «Гражданина Кейна».[28] Владения окружала изгородь. Вы сказали, чтобы я дал два гудка и просигналил фарами. Высокая решетка открылась автоматически. Землю сменил гравий. Мы прибыли на место. Добро пожаловать к самому таинственному писателю столетия. Мне, наверное, следовало быть взволнованным? Не всем дано проникнуть в ваши владения на границе Вермонта. Мод молчала, надев солнечные очки. Как же я ни о чем не догадался? И впрямь вообразил, будто я для вас столь интересен, что вы решили пригласить меня, вы, избегающий любых вторжений, как чумы боящийся посторонних? По траве прогуливался павлин. На веранде стоял старый диван со сломанными пружинами, слишком продавленный, чтобы иметь право оставаться в доме.

Я не мог поверить своим ушам: вы поставили *«Strangers In the Night»*. Вы посмели. Вы встретили нас, качая головой и широко улыбаясь, с криком «Фрэнки!» Просто Фрэнки, как будто больше и добавить было нечего. Я ничего не имею против Синатры,[29] но вы могли хотя бы не навязывать нам его самый заезженный шлягер, эту тягомотину, которую бубнят все пианисты в отелях. Если уж на то пошло, почему бы не *«Feelings»*? Есть люди, чья немодность — их достоинство. Честное слово, вы не из их числа.

— Здóрово, — сказала Мод.

— Да уж. Черт возьми, как же приятно видеть вас.

Дом был одноэтажным, но просторным. На крыше красовалась новенькая параболическая антенна. В конце коридора был гимнастический зал с резиновыми матами и шведской стенкой.

— Хотите сыграть в сквош?

— Нет, спасибо.

— Предпочитаете настольный теннис?

В углу у стены стояла пара лыж. С их носков свисали палки, связанные петлями. Я провел пальцем по кантам. Они были покрыты пылью. На моей коже остался черный след.

— Я частенько катался в Аспене[30] с Джеком Николсоном.[31] Хвастать особо нечем. Мы ложились слишком поздно. Спускались по трассам, как дикари. Джек мне все говорил, что хочет экранизировать один из моих романов. Не уточнял, какой именно. Меня не проведешь. Я в той компании был самый старый. В семидесятые я совсем перестал кататься.

Я после своей аварии не мог больше кататься на лыжах. Это было одной из самых больших моих потерь. Каникулы для меня всегда ассоциировались с горами: всякие романтические эпизоды, поцелуи на подъемниках, одинокие девушки в красных куртках, лавировавшие по сухому снегу испанских Пиренеев, вечера в отеле перед камином под водку с апельсиновым соком, инструкторши в темно-синих свитерах, диски «Стили Дэн»,[32] разведенные дамы с зачесанными назад волосами. При удачном стечении обстоятельств бурные ночи выматывали больше, чем десять черных трасс без остановки. Еще было время блинчиков, краткий послеобеденный отдых, запах травяных шампуней и смягчающих кремов, длинный стол за ужином, приятные местные вина. Вот так-то. Я не позволял себе смотреть на снег. Иногда он просто слепил глаза. До головокружения. Как только в Париже выпадал снег, я вновь представлял себе нетронутые склоны по утрам, перед открытием, снова слышал металлический лязг бугелей, рев ратраков, скрежет кантов по льду. Мне двадцать; моя нога еще цела и невредима, мне хочется рассказать об этом детям, которых у меня не будет.

У вас в руке был уже третий бокал вина — австралийского шардонне. Вы спросили, понравилась ли нам гостиница, и пустились в причудливые разъяснения происхождения названия «Упрямая пантера»: якобы охотникам никак не удавалось убить зверя. Вы сами приготовили тот первый ужин: зеленая спаржа, морские гребешки, кукурузные лепешки. И красное бордоское вино. Господин знал правила хорошего тона. Синие таблички с названиями парижских улиц украшали кирпичные стены. В рамке под стеклом красовалась косынка Джона Форда,[33] раритет, купленный вами на торгах. В соседнем штате школьники перестреляли своих товарищей. Вас это чрезвычайно беспокоило. У меня не было своего мнения по этому поводу. Мод подлила вина. Вы хотели знать, возможно ли такое во Франции, находится ли у нас оружие в свободной продаже. На ваш взгляд, запреты ни к чему не ведут. Вся проблема в воспитании. Вся американская образовательная система требует пересмотра.

— Забавная у нас страна: разносчики пиццы приезжают быстрее, чем полиция и скорая помощь.

Я покачал головой. Разница часовых поясов давала о себе знать. Красное вино ничуть не улучшало ситуацию.

Мод была внимательной слушательницей. Ваши истории пленяли ее. К тому же она говорила по-английски гораздо лучше меня. Временами я терял нить разговора.

— Можно? — спросили вы, указывая на пачку сигарет.

— Да, если вы позволите и мне взять одну, — ответила Мод.

Вы зажгли две сигареты и протянули одну Мод. Я жестом показал, что не курю. От вас исходила странная аура ностальгии и одиночества. Вы, несомненно, мучились от этого сильнее, чем хотели показать. Иначе зачем вся эта выпивка? Зачем все эти бесчисленные предосторожности, чтобы сохранить ваше уединение? Откуда все эти белые пятна в вашей биографии? Какой демон не дает вам печататься? Эти вопросы остаются без ответа. Я мог бы задать их вам тогда, пока еще было время. В тот момент я вас еще не презирал. Да, презрение пришло позднее.

Вы проводили нас до машины, сказав, что оставаться в этом отеле — просто идиотизм. Завтра же нужно переехать сюда. Вы поцеловали Мод в обе щеки. Я пожал вам руку. Вы посоветовали нам быть осторожнее. На одном из поворотов я проколол колесо. Десять километров до гостиницы мы проехали на ободе.

Проснувшись на следующее утро, я первым делом подумал о машине. Вы прислали нам механика, который потребовал с нас пятьдесят долларов за смену колеса. Солнце заливало ослепительным светом стоянку, на которой маневрировал механик на своем грузовике с краном. В небе как-то некрасиво парила птица. Мод вдавила в асфальт сигарету и вернулась в отель. Она достаточно насмотрелась.

Она вела машину до вашего дома. Мчалась по узкой дороге, врубив радио на полную катушку. Я сказал, чтобы она следила за указателями. Одна ее рука была на руле, другая отбивала такт по бедру. Когда песня закончилась, она достала сигарету и нажала кнопку прикуривателя, но он не работал. С обеих сторон был колючий кустарник, возможно ров. Мод не допустила ни единой ошибки.

Выключая зажигание, она опустила глаза и заметила, что все еще держит незажженную сигарету. Она поискала зажигалку в кармане, вылезла и захлопнула дверь. Огонек блеснул между ее пальцев.

Вы все еще были в пижаме, хотя уже наступил полдень. Хлопковая пижама в бело-голубую полоску. Я не смог удержаться от мысли, что писатели не должны выглядеть так нелепо. Во всяком случае, рекламные кампании изображают их совсем не такими. Но вам, несомненно, было наплевать. Не мне вас винить.

Наша комната располагалась на антресолях. Вечером Мод обняла меня, стоя перед двумя нашими кроватями.

— Ты всегда будешь моим старшим братом.

Она легла справа. В Париже она всегда ложилась слева. Положила свои часы на тумбочку. Странно — в комнате не было ни одной книги. Мы довольно быстро уснули. Мод немного почитала. Я же погрузился в сон без сновидений. Мне начала нравиться тишина, царившая в ваших владениях. По утрам в этой тишине было что-то магическое, нереальное, как будто вы сами устроили это для удобства своих гостей.

Дни были легкими, доверчивыми и веселыми. Вот как это происходило. Чаще всего я просыпался первым. Принимал душ, стараясь не шуметь. Иногда в бревенчатой избушке, служившей вам кабинетом, горел свет. На газоне павлин распускал хвост. Я шел по траве, мокрой от росы. Все вокруг находилось в движении. Рядом был пруд. К понтону пришвартована лодка. Я наблюдал за вами через окно. Вы спали прямо на пишущей машинке, уронив голову на согнутые в локтях руки. Я не осмеливался вас беспокоить. Вам было столько же лет, сколько моему отцу, с разницей в каких-то два года. Я мысленно делал сложные подсчеты. Если не ошибаюсь, сегодня вашему знаменитому герою, профессору Уоррену Бёрду, который интересовался тем, как зимуют медведи в зоологическом уголке Центрального Парка, должно быть шестьдесят три года.

Вы приходили к нам в кухню. Мод поджаривала тосты. Кофе потихоньку сочился через фильтр. Вокруг витал приятный запах пригорелого. На деревянном столе лежала раскрытая местная газета. Вы носили каплевидные очки в металлической оправе. В них можно было смотреться, как в зеркало. У вас была серая кожа, такая морщинистая, что лицо напоминало раковину устрицы. За завтраком вы упомянули — и как об этом зашел разговор? — о вашей связи с некой поэтессой, которая затем покончила с собой. Вашему сыну тогда было три года. Это он нашел Саманту, когда она впервые наглоталась барбитуратов. Она лежала без сознания на кафельном полу в ванной. Люк побежал за вами. Саманту отправили в больницу: лечиться сном. При следующей попытке Саманта поступила умнее. Вскрыла себе запястья вашим бритвенным лезвием. Вода в ванне была ярко-красного цвета. «Без сомнения, эту женщину я любил больше всего», — обронили вы и долили себе кофе. Вы велели Люку оставаться в кухне. Вечером, чтобы успокоить его, вы придумали сказку, в которой принцессы спали в ваннах одетыми, чтобы их сны в момент пробуждения не улетали. Вы назвали это сказкой

про ванну. Вы повторяли ее каждый вечер много недель подряд. В вашей семье сказка про ванну сделалась классикой. В двадцать лет ваш сын организовал рок-группу и назвал ее «Мастурбация».

Вы наливали себе еще кофе. Без молока, без сахара. Отставляли в сторону чашку, щелкая языком. Наступало время прогулки. Собака уже повизгивала, запрыгивая на вас передними лапами. Вы учили нас, как называется та или иная птица. Штанины ваших брюк были заправлены в зеленые резиновые сапоги. У вас была трость, шотландская кепка и поношенная куртка «Барбур». Вы поворачивали назад посреди луга, чтобы взять сигареты. Деревья были рыжими, небо — изменчиво-серым. Дорога — приятная для ходьбы, с небольшими подъемами, а в некоторых местах ветви деревьев почти образовывали тоннель. Собака обнюхивала канавы. Машины попадались крайне редко, исключение составлял лишь желтый школьный автобус, которому вы помахали. Вы останавливались, чтобы прикурить сигарету, зажав трость под мышкой. Я качал головой: нет, я — пас. Меня бы устроила такая жизнь на старости лет. Мод, собаки, домик, я ничего не имел против этого каталога а-ля «Ральф Лоран». Я часто отпускал Мод одну с вами.

По возвращении мы выпивали по стаканчику в библиотеке. Вы достали оригинальное издание «Великого Гэтсби»[34] — то самое, 1925 года, с синей обложкой на которой были нарисованы очки доктора Экльбурга. Я тоже обожал этот роман. Я тоже покупал себе рубашки десятками (одна из моих любимых сцен в книге: герой кидает веером рубашки, чтобы поразить Дэйзи). У меня это прошло. В основном с тех пор, как на Сен-Жермен кафе и книжные лавки уступили место магазинам мужской одежды. Я тоже чуть было не стал продуктом своей эпохи; я не решался носить черные джинсы и антрацитовые футболки.

Библиотека ломилась от книг. Они были везде. Я не знаю, перестали вы писать или нет, но он чтения вы явно не отказались. Ваши полные собрания сочинений стояли на полках строго по языкам. Был даже «Заместитель любовника» на словенском.

— Вот это и есть успех: тебя переводят на языки, о существовании которых ты даже не знал. Я начал беспокоиться в тот день, когда обнаружил, что продал больше книг, чем вмещает моя библиотека. Мне это показалось несуразным. В конце концов, контакт с публикой стал вызывать у меня отвращение. Мысль о том, что все эти люди дотрагивались своими пальцами до моих романов.

Вы взяли с полки экземпляр «Разрушительной любви», пролистали большим пальцем страницы. В ваших названиях часто встречалось слово «любовь». Всего вы написали два романа и

тридцать пять новелл, из которых только тринадцать вышли отдельным изданием. Ваши поклонники рвут друг у друга из рук остальные двадцать две, рассеянные по разным толстым журналам.

— Видите ли, беда в том, что нужно быть чертовски испорченным, чтобы суметь заставить людей мечтать. Моя излюбленная тема — ускользающая красота. *How do we deal with grief and loss*?[35] Не слушайте, я пьян. Моя первая жена бросила меня в тот самый день, когда был убит президент Джон Фицджеральд Кеннеди. Мне повезло: в то время газеты уделили не слишком много места моей личной трагедии. Я еще спал. Накануне я напился. Я слишком поздно узнал новость. Я вечно злился на себя за то, что все узнавал последним. Элизабет уже не было. Она даже записки не оставила, ни слова. Все остальное улаживалось через моего адвоката. Ладно, не будем об этом. Давайте выпьем. *Salud, pesetas y amor*![36]

Я еще полчаса слушал, как вы несете чепуху. На тридцать первой минуте мне надоело. Я спустился, чтобы принять душ. Мод спала на кровати. Ее плед соскользнул. Я укрыл ее плечи. Она пошевелилась.

— Терпеть не могу, когда смотрят на меня спящую, — сказала она.

— Но я все время на тебя смотрю.

— Не так. Это нечестно. Никто не имеет права. Сон — это кусок частной жизни.

— Хорошо, хорошо, — замахал я руками.

Если она так к этому относится.

— Ты шпионишь за мной. Мне это не нравится. Сначала ты смотришь, как я сплю, а потом все кончится частными детективами, которые будут повсюду за мной ходить, когда я не с тобой.

Снаружи уже не слышался птичий щебет. Вечер еще не наступил. Собаке запретили входить в дом, потому что утром она в очередной раз извалялась в коровьем навозе. Ее пытались отмыть, поливая из садового шланга, но запах оказался стойким. На одном из деревьев был шалаш. Ваша паранойя так отложилась у всех в мозгах, что в газетах даже писали, что это наблюдательная вышка. Разумеется, Мод захотела туда залезть. Она хотела все увидеть. Она уже давно не была такой, в настолько хорошей форме. Вы держали ее под руку, вы так ласково с ней говорили — с этим вашим акцентом, который мне никогда не удавалось воспроизвести, с этим вашим легким смехом, приглушенным щитовидкой. По утрам она вместе с вами

ходила к почтовому ящику. Вы возвращались с охапкой конвертов или с парой книг в пупырчатой полиэтиленовой упаковке, которую вы давили пальцами — пупырышек за пупырышком. Девять десятых почты вы бросали в корзину, не открывая. Мод нравилось ходить с вами за покупками, толкать тележку по проходам меж полок супермаркета, выбирать цельнозерновой хлеб и бублики в булочной около магазинчика, где вы запасались газетами. Вы ездили на допотопном микроавтобусе «фольксваген». После обеда вас лучше было не беспокоить. Ваши сеансы медитации были священны. Ни за что на свете вы не пропустили бы ни одного. Неизменно они продолжались с двух до четырех. Вы запирались на ключ в своей комнате, в самом дальнем уголке дома. Я пользовался этим, чтобы вздремнуть на диване в гостиной или, если погода позволяла, на диване-качелях на веранде. Мод читала журналы, выдирала кулинарные рецепты, красила ногти на ногах. Мы встречались за чаем. Чайник на газовой плите издавал свисток локомотива, въезжающего в тоннель. Сухое печенье имело привкус пыли. Вы выглядели очень бодро. Буддизм шел вам на пользу. Я позволял вам подшучивать над моими всклокоченными волосами. Вы часто спрашивали у Мод, не скучает ли она. Она качала головой, краснея. Девушек и правда нужно почаще спрашивать, не скучают ли они. Мне следовало бы быть повнимательнее к таким вещам. Впрочем, надо признать, что вы не пытались нас приобщить к буддизму. Вы оставляли нас в полнейшем покое на время ваших духовных упражнений. Вы просто извинялись за то, что вынуждены ежедневно покидать нас на час-другой.

По кабельному каналу показали «Это плотское наслаждение». Вы питали настоящую страсть к молодой Кэндис Берген.[37] Вы видели все ее фильмы. Вы не пропускали ни одной серии «Мёрфи Брауна».

И снова Мод. Желтый свет играл на ее предплечьях. Ее худоба меня всегда поражала: повод для восклицательного знака. Она растянулась в шезлонге, покачивая пальцами ноги наполовину снятую туфлю. Она смотрела на меня без улыбки.

— Ты так странно относишься к людям, — сказала она.

(Это ее новый заскок: утверждать, что я ненавижу весь свет. Читай: я несносен.)

Я попытался представить себе ее фигуру при беременности. Мы больше не заговаривали о ребенке. Был бы у нее острый живот или она превратилась бы в шарик? Ходила бы она вразвалку, задыхаясь при каждом шаге, покрылись бы ее щеки

сеточкой лопнувших сосудов? Беременные женщины на улицах выглядели либо неприлично счастливыми, либо стопроцентно изможденными. Середины не было. К какой категории принадлежала бы она?

— О чем ты думаешь?

Я, конечно, не собирался ей отвечать. Она положила руку на свое бедро. Мы немного помолчали. Мне нравилось, когда она вот так склоняла голову набок.

— Какие же низкие эти кресла! Чтобы вытащить себя из них, нужна вилка для улиток.

— Вы не улитка, — сказали вы.

Бабье лето. Сезон джина с грейпфрутовым соком. Вы всегда смотрели на часы, прежде чем решить, что уже пора выпить первую порцию. С течением времени я заметил, что событие происходило все раньше и раньше. Как-то вечером вы сказали, что никогда не нужно пить до наступления темноты. И добавили:

— Конечно, это всего лишь теория, — прежде чем закончить с хитрой улыбкой: — Иначе, что бы мы делали летом, а, скажите на милость?

Когда вы были в боевом настроении, вы сами выжимали грейпфруты. В большинстве случаев в дело шли готовые соки. Вы поднимали стакан и смотрели сквозь него на заходящее солнце; бледно-желтая жидкость медленно покачивалась.

— Я впервые попробовал это с женщиной, на которой мне удалось не жениться. Софи была архитектором. Она сошла с ума. Я хочу сказать, на самом деле: смирительная рубашка и все такое. Можно сказать, я тогда испугался. Это не помешало всем моим бракам обернуться настоящими катастрофами. Но как вам это?

Вы брались за бутылку джина, наливали спиртное, подняв брови — вы подходили к делу серьезно, — смешивали с грейпфрутом. («Так нормально? Хватит? Уверены?») И был этот восхитительный арахис, почти со вкусом жженого сахара; я такого никогда больше нигде не ел — только у вас, по вечерам, когда вы сидели на ступеньках веранды.

Стоит ли уточнять, что с тех пор я никогда больше не притрагивался к джину с грейпфрутовым соком.

Дело в том, что нам не следовало отвечать на ваше приглашение. Ничего этого бы не было. Но вы, казалось, так искренне хотели, чтобы мы погостили у вас. Мод не смогла удержаться.

Я никогда не был особо высокого мнения о писателях, но все-таки. На мой взгляд, вы зашли слишком далеко. Или же вам не

нужно было изображать симпатию. Напротив, нужно было объявить козыри. Было бы проще и не так гадко. Если бы вы сказали, ну, не знаю, допустим: «Я старый псих, который хочет трахнуть вашу жену», — все было бы ясно и понятно. Не то чтобы я не злился бы тогда на вас, но я хотя бы не выглядел полным придурком. Я сделал бы все, что угодно, лишь бы не довести до такого. Я назвал бы вам десяток вещей, которые я ненавижу в Мод:

…хм, ни одной.

Мы возвратились в Париж. Осень была долгой и чудесной. Мы не заметили, как наступила зима. Мод любила эти ноябрьские сумерки. Почтальон с охапкой календарей звонил в дверь. Приближалось Рождество. Мы все время были вместе. Утром домработница пылесосит. Мод сидит на телефоне. Она решила работать только во второй половине дня.

— В недвижимости серьезные клиенты никогда не встают с первыми петухами!

Люди вокруг нас стали умирать. Теперь я чаще ходил на похороны, чем на свадьбы. По крайней мере, здесь не нужно приглашение. Снова открылась «Пагода». Как-то в воскресенье мы пошли смотреть черно-белый японский фильм, отстояв очередь под дождем на улице Бабилон. На оригинальной пленке звучали песни Нэта Кинга Коула.[38] На следующий день Мод купила CD в подвале универмага «Бон Марше». Я говорю вам это, ибо знаю, что вы любите джаз. Мне пришлось уехать в Коррез,[39] где мой отец приходил в себя после неприятной операции.

— Мне нравится Тюль, — сказала Мод.

— Ты там была?

— Нет, но у них хорошая регбийная команда.

Подумать только: мой отец моложе вас! Так странно. Когда я заговорил с ним о вас, ваше имя ни о чем ему не сказало. Однажды я спросил его, почему он много лет назад бросил мою мать, и он ответил:

— А ты попробуй жить с ангелом…

Мои родители развелись, когда мне было пять лет. Я поклялся никогда не жениться. Думаю, отец до конца продолжал любить мою мать. Он больше не женился. У него были похождения, но он никогда не знакомил меня со своими пассиями, за что я, старый пуританин, ему благодарен. Моя мать жила в Ирландии с одним австрийским бароном. Отец пригласил меня в ресторан, но даже не притронулся к своей тарелке. Проходя позади него в туалет, я вдруг остановился. Я никогда не замечал, какие у него тонкие и редкие волосы.

В рождественский вечер я повел Мод на мессу в собор Парижской Богоматери. Я впервые в жизни делал нечто подобное. Не знаю, что на меня нашло.

Мод уже давно спала. Я выключил телевизор после новостей. Позже я проснулся и как-то сразу понял, что это из-за Мод. Она плакала в постели. Я не представлял, который час. Комната была погружена в темноту. Мод закурила. При свете зажигалки я увидел ее профиль, залитый слезами.

— Почему ты плачешь?

— Я плачу потому, что хочу спать. Плачу потому, что не могу уснуть. Потому, что в двадцать лет я иначе смотрела на жизнь. Потому, что мне уже не двадцать лет. Потому, что не знаю, стоит ли жалеть об этом.

Она шмыгнула носом, затянулась; красный кончик сигареты был единственным источником света в комнате.

— Я плачу потому, что зима такая длинная. Потому, что ты не повез меня в Лиссабон на Рождество. Потому, что моя мать развелась, когда мне было десять лет.

Мод сжимала свой правый локоть левой рукой. Она встала, чтобы погасить сигарету под краном в ванной.

— Плачу потому, что на Северном вокзале не было такси, а дождь лил как из ведра. Когда задумаешься, есть столько поводов для слез. А тебе не хочется поплакать?

Я не знал, что ответить. Она вернулась из ванной и легла в постель на свое место слева. Вскоре вновь воцарилась тишина. Мод дышала с легким присвистом. Мне стоило громадного труда снова уснуть.

Я предпочел бы не рассказывать эту историю. Я мог бы сделать вид, что ничего не случилось. Все было так внезапно, так неожиданно. Было относительно легко простить. Достаточно, чтобы объектом преступления не стало ваше доверие к роду человеческому или, по крайней мере, к одному его представителю. Я не мог разом стереть все годы, проведенные с Мод. Думаю, есть истории, которые никогда не кончаются. Наша — это история двух людей, которые пытались полюбить друг друга, но не сумели и будут сожалеть об этом всю жизнь. Я хотел, чтобы Мод научила меня крайностям, страсти, необычному. В этом смысле я все получил. Я погрузился по шею в отчаяние. Что мне вам сказать? Грубо говоря, вы входите в число тех мерзавцев, которые искалечили мою жизнь. Вы не один такой. Целая куча писателей, которыми я восхищался, ничуть не лучше.

Как-то вечером один молодой приятель спросил меня, каково это — быть брошенным женщиной. Он видел во мне старого бойца любовного фронта, ветерана среди брошенных. Я не мог рассказать ему о пробуждении вдвоем и обо всем остальном, всяких шутках, прозвищах, которые быстро становятся смешными, о такси под дождем и пальто, оставленных на диване, о звонках в дверь в восемь вечера, туфлях-лодочках, выстроившихся в гардеробной, точно конная гвардия на параде. Или о ресторанах, о столиках в уголке, о булочках, завернутых в салфетки. Как описать все это, как описать ожидание в аэропорту, изучение табло прилетов с мелкими белыми буковками, шуршащими веером? Я не мог рассказать ему о понимании, о борьбе за воскресные приложения, о толстых носках из белого хлопка, выключенном телефоне, брезаоле[40] с горчицей, о сомкнутых руках в темноте кинозала, мигающих огнях ночных светофоров, о Париже в сентябре. Да, были потрясающие моменты надежды, глупая беззаботность, мечты вслух, но тогда пришлось бы рассказать ему о подругах Мод, отворачивавшихся, когда я случайно встречал их, о дисках Фрэнка Синатры, которые мне больше не хотелось слушать, о скуке, об этом стихотворении Поля-Жана Туле,[41] заканчивавшемся словами «северная зима в безмолвном блеске», о молчании, о телепередачах в три часа ночи. Я не хотел вспоминать о сожалениях, об идиотских фразах, о письмах, разорванных до отправки, об уже не нужных паролях, о раскрытых, бессмысленных секретах. Я не хотел говорить ему, что Париж теперь казался мне городом, где полно мужчин, плачущих в своих постелях, зарывшись лицом в подушку, чтобы не было слышно, — но кого они боялись побеспокоить?

Я наивно полагал, что трудно бросить того, с кем живешь. Ничего подобного. Просто записка в конверте — и до свидания. Записка Мод гласила: «Береги себя».

Это было как раз перед Пасхой. Мод находилась наверху эскалатора, спускающегося на подземный уровень западного терминала аэропорта Орли, где выдают багаж. Вокруг было полно пассажиров с чемоданами на колесиках, провинциалов с цветастыми сумками, купленными на Фобур Сент-Оноре. В маленьких городках есть свои парковочные счетчики, свои пешеходные улицы и свои «Макдоналдсы», но существуют еще вещи, встречающиеся только в Париже.

Снега было немного, но температура повысилась, и улицы были покрыты месивом, налипавшим на колеса. Кто-то целовался

у стоек регистрации. Кто-то искал мелочь, чтобы заплатить за парковку. В зале вылета на крутящемся помосте был выставлен английский кабриолет. Мод не увидела меня. Она положила руку на движущийся поручень, оглядывая толпу вокруг; сумка на длинной ручке висела на ее правом плече. Мужики сворачивали шеи, заглядываясь на нее. Она даже не замечала этого, настолько привыкла. Я мог быть одним из них. Она в бежевом плаще, затянутом на талии. Она так часто носила его, что рукава пообтрепались.

Мод возвращалась из Тулузы, куда ездила с одним бизнесменом-адвокатом, который хотел купить замок в тех краях. Ее поездки были столь же краткими, сколь и непредвиденными. Она уезжала, приклеив желтый листок на дверь холодильника. Два дня я был один. Два дня думал о ней. Смотрел ночное шоу, которое показывали в четыре утра на «Канале Плюс».

Если бы она не вернулась, я сел бы в первый же попавшийся самолет, твердя себе, что жизнь — трагический бардак. Я все-таки был чертовски влюблен. Я поднял руку, и Мод обернулась в мою сторону. Она не сразу улыбнулась. Я схватил ее сумку. На стоянке нас ждало такси. Мод захотела пойти в китайский ресторан. Она привезла мне можжевеловый лосьон после бритья.

— Пять кило.

Многовато. Она сказала это без агрессии, твердым и расстроенным голосом. В ответ на мой вопрос: сколько она набрала. На самом деле, было еще больше. У актрис вечно так. Пока молодые, они врут насчет веса. Старея, они скрывают возраст.

Она сделала себе очередную подтяжку. Ее лицо было постоянной строительной площадкой, этаким Восточным Берлином из плоти и морщин. Агентство поручило мне договориться с Марго о рекламе пищевого заменителя. Для фото мы еще как-то выкручивались, но для видеороликов ее нынешняя полнота была помехой. Она была замужем за кинорежиссером, который в последнее время снимал только для телевидения, что еще больше усложняло дело. Марго хотела во что бы то ни стало, чтобы Грегори режиссировал кампанию. Я знал ее давно. Когда-то она вела ночную программу на частной радиостанции. Студия располагалась на последнем этаже одного здания в районе Майо. Она пригласила меня в качестве «молодого рекламного волка», — во всяком случае, именно так она представила меня в эфире. Мы встречались и после того. У нее уже тогда были округлости. Очень скоро она стала получать небольшие роли в непритязательных комедиях. Вот уж никто не думал, что она

станет звездой, одной из тех девиц, которым дано право читать статьи о себе перед публикацией. За исключением очков, которые теперь были черными, ничего в ней не изменилось. Она была столь обольстительна, что журналисты, встречавшиеся в ней впервые, могли вообразить, будто имели с ней интрижку несколько лет назад. Она производила такой эффект на всех парней. Результат: когда я говорил, что встречался с ней в начале восьмидесятых, никто мне не верил. Это нечестно, но забавно.

Ей было холодно. Отопление не работало. Она только что переехала в эту двухуровневую квартиру на улице Юниверсите, принадлежавшую раньше тому продюсеру, которого убили в лифте башни Монпарнас (виновных так и не нашли). Внезапно она почти расплакалась. На экране слезы были ее фирменным знаком.

— Черт, вы видели, как я живу! Я не могу сделать ничего из того, что вы все делаете, даже не задумываясь. Не могу отвести сына в «Макдоналдс» в среду. Не могу забрать его после уроков из школы. Дома я вынуждена весь день держать шторы закрытыми на случай, если папарацци снимут квартиру напротив. Я никогда не открываю ставни в своей спальне. Я должна следить за своим весом, за своими словами, за своим внешним видом. У меня есть телохранитель, с которым я должна разговаривать, даже когда мне хочется молчать. Что вы хотите? Я стала известной в двадцать лет. У меня есть фан-клуб в Японии. Вы представляете: девчонки из Токио присылают мне фото для автографов.

— Теперь ты со мной на вы?

Я назвал ей цену, которую предлагало агентство. Она перестала плакать. Хм, старушка Марго — какова!

Я вновь подумал обо всех тех девчонках, чуточку актрисах, которых мы трахали без разбору в восьмидесятые. Что с ними теперь? Это было нечто. Только что избрали Миттерана.[42] Никто не думал, что так надолго. Самое главное, мы тогда не думали, что состаримся вместе с ним. Да-да, именно так: мы отметили свое сорокалетие еще в царствование Миттерана. А сколько денег мы заработали за его семилетний срок! Я должен перестать все время думать о прошлом.

Где-то в Париже проходил футбольный матч. Болельщики орали речевки на тротуарах. Мод дрожала. Она прильнула ко мне. Она боялась толпы. Я благословлял шпану в разноцветных шарфах и с размалеванными лицами. На бульваре Сен-Жермен, не двигаясь, стояла пробка. Водители повылезали из машин. Гудки надрывались почем зря. Кафе свернули свои террасы. Я

искал тихое местечко, ресторанчик, где никого бы не было, или полупустой кинотеатр.

У Мод было множество плюсов. Она была невыносимо прелестна. Я любил ее широкие плечи бывшей чемпионки по плаванию (сто метров вольным стилем менее чем за минуту). Она потрясающе выглядела в купальнике. Она всегда жила с мужчинами старше себя (Фабрис, программист; Лоран, государственный советник; Жюль, телепродюсер). У нее был когда-то лабрадор, с банданой вокруг шеи (Блэк, задавлен кабриолетом «ауди» в Сен-Реми-де-Прованс), она полгода была вегетарианкой (вновь вернулась к мясу в самый разгар истории с коровьим бешенством), она сломала берцовую кость, катаясь на скейте (эспланада Трокадеро[43]), чудом не утонула, ныряя в Средиземном море (Поркероль, июнь 93-го). У ее отца был отель на баскском побережье[44] (три звезды, 16 из 20 по справочнику Го-Мийо[45]). Оба ее старших брата были горными спасателями (Тинь[46]). Кроме того, она ненавидела жить одна.

— А твоя мать?

— Никто не врал так, как моя мать. К счастью, я разругалась с ней, еще когда была подростком. Иначе она увела бы у меня всех моих парней.

Я не счел нужным настаивать.

Как-то раз Мод сравнила рекламу с порнографией. Я, как всегда остроумный, имел несчастье заметить, что недвижимость сродни проституции. Она хлопнула дверью. Я не видел ее до конца дня. Вечером она повела меня есть кускус на последний этаж Института арабского мира.

— Тот же вид, что из «Тур д'Аржан», но не так разорительно!

Сиди-брагим[47] окрашивал губы в красный цвет. Мод решила изобразить ревность.

— У тебя, конечно же, была целая куча девиц, этих пергидрольных идиоток, которые носят свитер с широченным вырезом, чтобы показывать сиськи, и все время думают о том, с кем они пойдут обедать.

— Обед с девушкой ни к чему не обязывает.

— Но ужин — да, ведь так? Девица, которая соглашается поужинать, уже в кармане, а? Какими же вы, мужики, по временам можете быть жалкими!

— «По временам» не говорят.

Она швырнула мне салфетку в лицо. Такие разговоры вселяли в меня надежду и опасение.

На набережной нас подрезал полный чернокожих «форд-

корса» с пригородными номерами. Наш таксист с извинениями ударил по тормозам. Париж, Париж.

Я плохо спал в ту ночь. Мод была не совсем неправа. Мне поднадоела реклама. Чтобы дать вам представление об уровне, скажу, что я был наименее неграмотным в агентстве. Родольф думает только о том, кого бы трахнуть. Бориса интересуют только его деньги. Я слыву среди них гуманитарием. Например, именно я уговорил Джона Ирвинга[48] на кампанию под лозунгом «Мир по Gap'у».

А ведь я, между прочим, поклялся себе, что в этом письме ни разу не употреблю название торговой марки. Их и так слишком много в моем ремесле.

Я качусь по наклонной плоскости. Что я делаю целыми днями? Ловлю такси, пью чересчур много кофе, слушаю зарубежные CD, в которых не разбираю слов, скупаю газеты охапками, ужинаю в модных ресторанах, где севиче стоит непомерных денег. Беру напрокат дублированные видеокассеты, слышу странные голоса, мастурбирую чаще, чем трахаюсь. Была, правда, та итальянка в серой атласной юбке, я подцепил ее как-то вечером в ночном клубе. Она захотела пойти в отель («Монталамбер»). Я уснул сразу же после. Когда я проснулся, девушка уже ушла. Я даже не помню, была ли она сверху.

Такое впечатление, что кофе булькает у меня в венах. Моя кровь достигает анормальных температур. Бывали недели, когда мне не хотелось трезветь. Я засовываю пальцы в глотку, пытаясь вызвать рвоту. Не помогает. У меня красные глаза, как будто я всю ночь ревел.

Квартира с нетерпением ждет появления Мод. С ней гостиная не была бы в таком состоянии. Если так пойдет дальше, мое бедное сердце не выдержит в тот момент, когда я буду дрочить в сортире. Неприглядная будет картинка. Зачем я вам все это говорю?

Вообще-то мне никогда не приходило в голову рассказать историю своей жизни. Люди часто думают, что носят в себе сюжет для романа. Это не вполне верно: я думаю, что они скорее скрывают судебное дело, все они совершили кучу мелких гадостей, о которых ни в коем случае не хотят никому рассказывать. Муки совести, наравне с несчастьем, — самые демократичные вещи в мире. Все имеют на них право в тот или иной момент. Иногда я говорю себе, что Мод вернется. В то же время именно этого я больше всего опасаюсь, потому что я не уверен, что мог бы продолжать жить с ней, если бы она вернулась.

Это трудно объяснить. На самом деле я хотел бы, чтобы всего этого не произошло. Я предпочел бы, чтобы она умерла. По крайней мере, я мог бы тогда сожалеть. Я мог бы вспоминать о ней без ненависти. Да, так было бы лучше. Через какое-то время одиночество приобретает этот прелый запах мокрого полотенца. Нужно всегда жить с кем-то, хотя бы для того, чтобы не пи́сать при открытой двери. Я даже взял в прокате одну кассету, не посмотрев название на коробке. В фильме коротко стриженый пепельный блондин насиловал азиатку ершиком для унитаза. Возможно, мне это приснилось. Мне с некоторых пор снятся странные сны, грустные и алкоголические.

Все эти последние недели я больше всего боюсь проснуться среди ночи и часами плакать, сидя на диване в гостиной перед дрожащим светом беззвучно работающего телевизора, глядя на мебель, которую выбирала Мод. Вот так: мужик в трусах и майке ревет посреди ночи в одном из домов в центре Парижа. Вот что вы с Мод со мной сделали. Поздравляю вас. Я так и не вычислил, что могло бы мне помочь вновь обрести сон.

Я попробовал бурбон (гадость), французские романы (то же самое), комедии положений в три часа ночи (не самое худшее). Ничего не помогло. Теперь дни длятся действительно двадцать четыре часа. Несокращающихся.

Я все-таки познакомил Мод с Родольфом. Он нашел, что она похожа на какую-то актрису немого кино. Я сказал, чтобы он к ней не прикасался.

Насколько это возможно, я стараюсь не впадать в пессимизм и меланхолию. Никчемные чувства. Это не мешало мне топтаться на месте в препаршивом настроении. У меня было странное ощущение неустойчивости, как будто постоянный эффект разницы часовых поясов. Еще один зимний день в чистилище.

Я вышел из метро на станции «Бурс». На площади повсюду стояли лотки, торгующие старыми пластинками на 33 оборота, кустарными сувенирами, антиквариатом, коллекциями марок, вышедшими из употребления игрушками. Карусель с деревянными лошадками довершала картину. Биржевые маклеры в бежевых костюмах ели бутерброды, сидя на ступеньках дворца Броньяр. Я нашел Макса в «Водевиле». Это ресторанчик, где никто никого не слышит. Макс создал биржевую фирму и только что подписал с агентством контракт на серию телевизионных роликов. Зал был забит постоянной клиентурой, состоявшей из адвокатов, кутюрье, журналистов. Очень мало женщин. В полдень

дамы укрывались в ресторанах при гостиницах, в чайных салонах. У Макса была небольшая лысина, светлые, очень тонкие волосы и загар после уикэнда в Биаррице. За десертом он попросил меня устроить ему встречу с Марго. Я понял цель его приглашения. После обеда я купил для Мод заводную обезьянку с металлическими тарелками — точно такая была у Джеймса Дина в начале «Бунтаря без причины».[49]

Стучат. Три отрывистых удара. Дверь приоткрывается.

— Можно?

— А, это ты? Входи. Как дела?

— Скорее я должен задать тебе этот вопрос, ага.

Это Родольф. Он мужественно попытался меня утешить. Эта роль ему не шла. Я предпочитал, когда он предлагал провести остаток вечера в заведении, где меняются партнерами.

— Ты же не будешь и дальше тратить жизнь понапрасну?

— Я в этой игре большой спец. Не парься из-за меня.

Когда я вновь думаю о Мод на улице Мезьер, я вижу «мини» с желтым талоном, разрешающим парковку по месту жительства, на лобовом стекле и часами, которые летом отставали на час. Я думаю о детях, которых у нас не было и которые могли бы ходить гулять в Люксембургский сад, что совсем рядом. Большую часть времени я стараюсь не особенно думать об улице Мезьер.

Мод, прошу тебя. Прекрати смотреть через плечо Себастьяна. Я тебя знаю. Оставь нас, пожалуйста. Мы поговорим как мужчина с мужчиной. Себастьян расскажет тебе обо всем в подробностях, как только мы закончим. Скажите ей, Себастьян. Пусть она погуляет с собакой, с Симуром, этим золотистым ретривером, который спит у ваших ног, когда вы стучите на машинке. Ну? Мод ушла? Я могу продолжать? Точно?

Так вот. Вы родились где-то в 1929 году. Вы подделали все свои архивы. Нынешний директор лицея, где вы учились, отказывается предоставлять информацию, касающуюся вас. Ваш военный билет также таинственным образом оказался вне доступа. Офис, где он хранился, сгорел. От вашего университетского досье тоже не осталось никаких следов. Ваша первая новелла была опубликована в студенческом журнале, когда вам едва исполнилось двадцать, — история о самоубийстве и карликовом сомике. Затем вы направляли свою прозу в более престижные журналы. Ваше имя появилось в обзоре «Сэтердей Ивнинг Пост». В сундуке на чердаке хранятся эти ценные экземпляры, слегка пожелтевшие, бумага хрупкая и хрустящая,

как вафли. Какое-то время вы работали на корабле, совершавшем круизы по Карибскому морю. Каюты были заполнены пенсионерами в шортах, половина из которых не покидала судно на стоянках. Вы должны были служить им чем-то вроде гида. На мой взгляд, эта работа возникла, чтобы улучшить ваше резюме. Вы закончили «Страну сливочного мороженого» весной 61-го. На гонорары купили этот дом, который по-прежнему ваш (дом на Лонг-Айленде появится позднее, после вашего ухода от публичной жизни). Большинство ваших рассказов — о людях, которым от пятнадцати до двадцати одного года. Вы убрали свои портреты с обложек своих романов. Призрак — вот что вы такое для всего света. Для призрака вы в весьма добром здравии. Конечно, у вас есть свои маленькие причуды. Вы моете руки не менее десяти раз на дню. Вы можете работать, только сидя лицом к стене. Вас не должны отвлекать никакие фотографии. Вам никогда не удавалось писать для детей. В университетских кампусах, напротив, вы были королем. Ваше имя было у всех на устах, ваши романы — в карманах походных курток всей планеты. Вам нравились полотна Уинслоу Хомера. На ваш взгляд, Эндрю Уайет был хорош лишь для европейцев. О Хоппере[50] вы и вовсе слышать больше не хотели. Вам обрыдли люди, которые умоляли вас рассказать их историю. Все были интересны, у вас просто не было больше сил. Читатели — вот отродье! Критики? — Даже не упоминайте о них!

— Критики! Если бы они могли, они разбили бы вам оба запястья бейсбольными битами.

Вам бы так хотелось первым среди американских писателей еще при жизни войти в Плеяду. Один из ваших сыновей был актером телевидения в Лос-Анджелесе. Он женился прошлой осенью. Вы не присутствовали на свадьбе. Другой работает лыжным инструктором в Колорадо. Будущим летом вы станете дедом. Вы не рассказывали мне о своей дочери. Ни слова о Зельде, а? Вы были слишком молодым, чтобы участвовать во Второй Мировой, и слишком старым, чтобы попасть во Вьетнам. Вы написали слова к одной из песен Джоан Баэз.[51] Вы не слишком этим гордитесь. В вашей жизни было множество вещей, которых вы не повторили бы снова. На вашем левом плече татуировка в виде кленового листа. Вы сделали ее недавно.

— Нужно достаточно состариться, чтоб быть уверенным в том, что не поменяешь мнение, — объяснили вы мне, расстегивая ворот рубашки.

— Что вы делали летом шестидесятого, когда разворачивались события «Страны сливочного мороженого»?

— Ничего особенного. Работал в пивной. Это было ужасно

скучно. Ничего романтического со мной не произошло. Я не встретил никого, похожего на Еву, увы!

Я спросил вас, что вы думаете про Мод.

— Она всего лишь способная чудачка, — ответили вы.

Мод! Я же просил тебя не читать это. Будешь теперь меня слушаться, правда?

Мод пристегивает ремень безопасности и причесывается, глядя в зеркало заднего вида. Мод, закинула ногу на ручку кресла; на кончиках пальцев ноги чудом держится мокасин. Мод сидит на ступеньках Троицы-на-Холмах и делает вид, будто читает «Ла Република». Мод прикуривает сигарету от книжки спичек, привезенных ею из какого-то отеля на Ибице. Мод играет в теннис в паре в том доме в Перигоре, где были гигантские пауки. Мод возвращается с распродаж. Мод щурит глаза, чтобы разобрать титры в кинозале. Мод стрижет ногти над умывальником. Мод смотрит фильм с Робертом Редфордом,[52] где тот постоянно звонит по старенькому дисковому телефону. Мод покупает мне на другой день такие же рубашки, что и у актера. Мод постукивает по переднему зубу ногтем среднего пальца. Мод плачет в кухне из-за того, что мать на том конце провода только что швырнула телефонную трубку. Мод и ее йогурты из цельного молока, которые она поедала вечером в постели. Мод, так и не научившаяся пользоваться видеомагнитофоном, но способная безошибочно ориентироваться в отделе женской одежды на втором этаже универмага «Бон Марше». Орфографические ошибки Мод. Смех Мод, обнаружившей, что какое-нибудь слово произносится не так, как она всегда думала. Мод, ругающаяся на свой мобильный телефон. Мод и ее крученые макароны с кабачками. Нежное тепло ее тела, когда она, улыбаясь, танцевала медленные танцы. Я любил смотреть, как она читает, одевается, сушит волосы, выбирает юбку. Ее движения тогда озарял какой-то свет. Я не думал, что когда-то могу потерять ее.

Вы до сих пор кусаете себе локти. Вы ни за что не должны были соглашаться. Когда-то очень давно к вам приехали люди с телевидения. Это было ужасно. Вы поклялись больше не экспериментировать. Интервьюер не читал ваших книг и извинялся за это. Звукорежиссер спрашивал, где находится туалет. Оператор боялся собаки. Вам пообещали, что все займет не более часа. Приехав в полдень, в пять вечера они все еще были у вас. Вам пришлось бесконечно повторять одно и то же. Ваши ответы становились все более неестественными. Они хотели

поведать о ваших первых шагах в литературе, прерывая рассказ кадрами, где некая театральная актриса читала бы отрывки из ваших романов. Сделали пробы с микрофонами. Установили свет. Проверили объектив. Себастьян Брукинджер, кадр первый, дубль один. Пришлось повторять. Один из прожекторов не включился.

Вы проводили их до фургона. Они сердечно поблагодарили вас. Однако вы отчетливо слышали, как режиссер спрашивал у журналиста, когда машина трогалась с места:

— Что будем со всем этим делать? У тебя есть идеи?

Канал отказался показывать передачу. Все оказалось напрасным. После вашего затворничества они, естественно, пересмотрели свое решение. Слишком поздно: ваши адвокаты запретили любые передачи о вас. Право на изображение.

Не надо мне вешать лапшу на уши. Когда говорят, что вы все бросили, позвольте усмехнуться. Это от чего же вы такого отказались, кроме тягостной обязанности давать интервью, нагоняющие сон, и отправлять рукописи издателю? А эти ваши знаменитые сеансы медитации — это просто смешно. Когда вы увели у меня Мод, речь уже не шла ни о какой восточной мудрости. Я видел, какая у вас чистая душа на самом деле. Угу, с членом в руке! Какой же я был дурак. Прямо злюсь сам на себя.

Что еще? Вы отвратительно печатаете на машинке — двумя пальцами. Ваши рабочие дни состоят в правке ваших старых текстов; вы добавляете слово здесь, убираете фразу там, меняете запятую на точку, выделяете новый абзац. Пунктуация вас очень беспокоила. Вы склонялись над своим допотопным «Ундервудом». У вас была привычка шаркать ногами по полу. Палас под столом был протерт до основания.

Ближе к вечеру я стучал в вашу дверь. Вы лежали на диване, укрывшись пледом с пультом в руке. Телевизор слегка потрескивал, как бывает обычно при выключении. Вы смотрели бейсбольный матч.

Мне особенно запомнился наш долгий спор в тот день, когда вы говорили о *Билле* Шекспире. О, Себастьян, разве вы не знаете, что в жизни существуют некоторые маленькие правила, которые нельзя нарушать?

Потом была эта неделя на Лонг-Айленде. Еще один из ваших домов. Вы не теряли времени даром. Правда, вы по-прежнему ежегодно продавали двести пятьдесят тысяч экземпляров «Страны сливочного мороженого».

Мы ехали всю ночь. Со стороны леса выползал туман и слоями стелился над асфальтом. Дорога извивалась, белая линия

разметки проскальзывала под машиной.

— Когда мы приедем? — спросила Мод, просыпаясь.

Она зажгла свет в салоне. Развернутая карта лежала у нее на коленях. Мы не могли найти. Она зевнула. Видимо, мы какое-то время кружили на одном месте. Деревянные телеграфные столбы возникали в лучах фар. На бензоколонках не горел свет. Мы остановились в деревушке. Бар был закрыт, но над входом светилась синяя реклама пива. Мы поехали дальше. Внезапно впереди появилось белое пятно, фасад гаража. Имя владельца было крупно написано красными буквами. Подержанные автомобили стояли под углом к краю стоянки. Мод захлопала в ладоши. Вы сказали нам, что сразу за гаражом будет поворот направо. Взятый напрокат «ауди» подпрыгивал на ухабах. Ветки кустарников скребли по дверям машины. За нами поднималось облако пыли. Ну вот. Мы подъехали к дому. Ручник на себя. Мы вышли их машины. Трава оказалась влажноватой. Было не слишком холодно. Дверь с противомоскитной сеткой открылась и захлопнулась за вашей спиной.

— Мод, вы хорошо доехали?

Вы уже успели трахнуть ее к тому моменту, или это случилось позднее? Это входит в число подробностей, которые я никогда не узнаю наверняка. Она расцеловала вас в обе щеки, протянула вам оранжевую коробку, в которой лежал вязаный галстук от «Гермес». Темнота была синей. Звезды, казалось, совсем близко. Я пожал вам руку. Открыл багажник, чтобы достать чемоданы. Мод всегда брала с собой слишком много вещей. Я направился к веранде, наклонившись, как Пизанская башня. Вы не предложили мне помочь. Войдя внутрь, вы прикурили новую сигарету от предыдущей. В глубине был кабинет с окнами на океан. Я не рискнул спросить вас о новом романе. Вы говорили, что он практически завершен. Но вы говорили так уже несколько месяцев. Мне казалось странным, что американец писал что-то о французской Революции. Честно говоря, ваше шуанство[53] от меня ускользнуло. Я не мог представить, чтобы вы занимались исследованиями, копались в библиотеках, в Интернете. Исторический роман о 1789 годе сильно смахивал на блеф, вы уж извините. Трумэн Капоте[54] уже однажды попытался со своими «Осуществленными молитвами». Известно, что из этого вышло. Три неудачные главы, не связанные друг с другом. Впрочем, вы так и не прочли нам ни единой страницы.

Несмотря на поздний час, вы ждали нас с ужином. Мы выпили шабли, закусив сэндвичами с копченой говядиной. Звучала оригинальная запись «Печати зла» Генри Манчини.[55] Я

когда-то пользовался этой музыкой, чтобы проиллюстрировать рекламу бюстгальтеров. Бутылка вина почти опустела. Вы в последний раз наполнили наши бокалы, каждому по чуть-чуть. Показали нам комнату на втором этаже. Перед тем как выключить свет, Мод повернулась ко мне в постели:

— Обещай мне одну вещь.

— Какую?

Она слегка опустила голову, словно ожидая удара, которого не последовало.

— Никогда не меняться.

— Разве кто-то может пообещать такое?

Она погасила свет, не ответив. Не знаю, как ей, но мне шум моря всю ночь мешал спать.

Следующий день. Отлив, завтрак на понтоне над мокрым песком. Здесь есть киты? Мод непременно хотела увидеть китов.

— Бывает и такое, но в основном дельфины.

— Дельфины или морские свиньи?

— Никогда не знал, в чем разница.

Мы проговорили весь день. Дюны были покрыты высокой травой, которая резала пальцы, если до нее дотронуться. Мод уселась на солнце, чтобы погреться. Вдоль горизонта плыли длинные оранжевые облака. Вы поставили старую трескучую пластинку на 33 оборота — Синатра времен «Кэпитола». Вы долго рассуждали о достоинствах виниловых пластинок. Свечи на столе почти совсем оплавились. Мод захотела танцевать. Я взял за руку девушку, которую научил танцевать рок. В лунном свете эта сцена была незабываема. Впервые в жизни мне казалось, что я обладаю душой. Больше такое не повторялось.

Мод наклонилась вперед и расхохоталась. Вы подняли бокал за ее здоровье. Огонь в камине — если только это не я выпил лишнего — заставлял дрожать ваш силуэт в проеме двери. Вы сидели, прислонившись плечом к косяку, положив ногу на ногу, с бурбоном на уровне пупка. Красивая внешность видавшего виды мужчины. Внезапно вы решили отправиться за омарами в ресторан в порту. Мод вела машину. Заведение было забито отдыхающими. Уикэнд в самом разгаре.

Она приблизила лицо к аквариуму и почти коснулась носом стекла. О чем могли думать омары? Они хотя бы видели ее? Их клешни были перетянуты толстыми зелеными резинками. Мод провела по запотевшему стеклу ладонью. Три или четыре зверя сбились в один угол. Они были несчастны, они ведь точно были несчастны? Ну вот, теперь она сострадала ракообразным. Вы поставили Дина Мартина[56] в музыкальном автомате,

меланхолическую песню, которую я никогда раньше не слышал. Вы сидели в баре на табурете, катая по щеке бутылку пива с таким видом, как будто вас здесь не было, — вы умеете иногда принять такой вид.

Бармен запустил широкую ладонь в аквариум и вытащил омара, с которого стекала вода. Тут Мод завопила. Она велела бармену вернуть омара в аквариум. Парень был так удивлен, что подчинился. На нем была темно-синяя рубашка поло навыпуск. Ракообразное упало с легким всплеском; медленно опустилось на дно и встало на песок с неловкостью космонавта.

Вы покинули свой наблюдательный пост, осторожно держа стакан. Вы опустили правую руку в воду, вытащили омара и дали воде стечь. Мод не посмела ничего сказать.

— Они накачаны наркотиками, — сказали вы ей. — Не волнуйтесь. Их накачивают наркотиками. Они ничего не чувствуют.

Вы протянули омара бармену, который завернул его в газету. Сделали глоток пива, предварительно чокнувшись с Мод. На меня вы взглянули краем глаза. Рукав вашей голубоватой рубашки промок до плеча. Телевизор над стойкой показывал чемпионат по кетчу. Каждые две минуты была реклама. Я не хочу хвастаться (видите ли, я читал хороших авторов), но американские ролики — полная ерунда. Персонажи в костюмах арахисовых орешков противостояли на футбольном поле команде чипсов. Все вместе выглядело гротескно. Вы попросили, чтобы выключили телевизор.

— Вы видели эти груди?

Вы говорили об официантке. Мод отлучилась в туалет. В ресторане она всегда хотя бы один раз ходила пи́сать. Я полагаю, вы заметили это в ней, и эта мания начинает вас раздражать. Вы воображаете невесть что, женские проблемы, гинекологические подробности. Или кокаин. Она быстренько припудривает носик в дамской комнате. Да, так? Могу вас успокоить на этот счет. Мод ни разу в жизни не притронулась даже к косяку, что уж говорить о кокаине. Она всегда говорила, что у нее совсем маленький мочевой пузырь и что она писает, как мышка. Вам она тоже это говорила? Как это по-английски? *A mouse pee*?

Я тоже посмотрел на официантку. Рыжие волосы, собранные в хвост, белая блузка, черные брюки. Груди — огромные. Я улыбнулся вам в ответ. Пресловутое мужское сообщничество, когда на горизонте появляется задница. Она была не в моем вкусе. Подошла и принесла нам еще пива, хотя мы ничего не заказывали. Ледышки в стакане Мод совсем обесцветили «кока-колу». Я чуть было не сказал вам: очень странно, что в ваших книгах вовсе нет секса. В этот момент вернулась Мод. Она попросила официантку завернуть три куска чизкейка. Мы вышли из ресторана. На лестнице вы положили руку мне на плечо. Этот жест не был долгим, но с вашей стороны он выглядел непривычно. Здороваясь, вы пожимали руку кончиками пальцев. Что произошло? Теперь, рассказав мне о своей предрасположенности к большим грудям, вы получили право хлопать меня по спине. Вы сели за руль. Мод рядом с вами подправила макияж, глядя в зеркало заднего вида. Вы не возражали. Хотя, повернув к себе зеркало, она даже не извинилась. Без единого слова, без единого упрека вы развернули маленькое прямоугольное зеркало обратно к себе, *вот так*. Слева от меня на заднем сиденье омар шевелился в газетной бумаге.

По возвращении домой мы с веранды наблюдали закат

солнца. Ночь наступила очень быстро. Волны задавали ритм вечеру. Вы говорили о белом вине, которое нашли в одном ресторане на улице Сен, оно называлось «Менету-Салон». При этом вы не знали «Оксэ-Дюресс». Я пообещал прислать вам ящик, как только мы вернемся в Париж. Вы покинули свое плетеное кресло, чтобы принести с кухни холодное пиво. Никаких стаканов: пить нужно было прямо из горлышка. Мы чокнулись бутылками. Бело-серая чайка уселась на деревянную опору посреди воды. Был прилив. Вода окружала сваи террасы. Темнота пятнами покрывала дюны. Луна отражалась в море, гладком, как лобовое стекло. Мод ждала, когда зажжется первая звезда.

— Вы любите Нью-Йорк? — спросила она.

— Нет. Более того. Я не люблю Америку. Я любил ее слишком сильно, чтобы продолжать любить и дальше.

Вы приложили бутылку ко лбу и добавили:

— Вот чего я действительно хотел бы — написать роман, в котором персонажи бы знали больше, чем автор.

За ужином я поругался с Мод из-за того, что она слишком много курит. Ссора затянулась.

— О господи, — сказали вы наконец.

Вы встали из-за стола, бросили салфетку рядом с тарелкой и вышли из комнаты, не оглядываясь. Через пять минут вернулись со словами:

— Ну, а что у нас на десерт?

На другой день мы проснулись рано. Разница часовых поясов уже не давала о себе знать. Мы оба были счастливы, что оказались здесь. Мы задержались дольше, чем предполагали. Но время шло. Я не отдавал себе в этом отчета.

Я был немного пьян. Между тем, я совсем не пил за обедом. Но я и не ел ничего, перед тем как выпить, а аперитив длился гораздо дольше, чем сам обед. Я опасался вечера. Последствия не заставят себя ждать, раскалывающаяся голова и заплетающийся язык. Вы-то не могли пить ничего, кроме джина. После шампанского со мной такого не бывает. Во Франции я держусь более стойко. Теперь всегда буду сожалеть о том, что доставил вам это удовольствие: французик-который-не-умеет-пить. Когда я хочу — я непобедим. Видели бы вы меня в Памплоне,[57] где-нибудь в конце семидесятых. Хемингуэй отдыхает. Бесконечное смешивание напитков. Анисовка, водка, пиво, сангрия. И ни разу не было плохо. Особенно запомнилось мне белое вино, его бочковой привкус преследовал меня на обратном пути аж до самого Сен-Жан-де-Люза.[58]

Как-то после обеда вы заснули на террасе в одном из

полосатых шезлонгов, повернутых к пляжу. Когда вы снова открыли глаза, солнце уже висело совсем низко над океаном. Пока вы спали, мы с Мод снова поругались. Я уже не помню из-за чего, но уверен, что не из-за вас. Я еще ничего не заметил.

— Привет, — сказали вы, потягиваясь.

Мод убрала остатки обеда с деревянного стола. Вы с трудом встали. О-хо-хо. Мы почти слышали, как хрустят ваши суставы. В постели это должно быть что-то с чем-то.

Позже я вспоминал об этом периоде, как о каком-то солнечном сне. Дом стоял посреди дюн. Соль разъедала деревянные оконные рамы. Было всегда сыро, несмотря на огонь в камине. Вы читали газеты в саду на диване-качелях, с которого начала слезать краска. Несколько пятен ржавчины. Вы не расставались со своей линялой панамой. Мод возвращалась с покупками и сигналила, чтобы кто-нибудь помог ей нести пакеты. Бабье лето никак не кончалось.

Затем все начало портится. Она казалась мне странной. Она просто-напросто скучала со мной. В сущности, я так ничего и не узнал о ее мечтах. Есть вещи, в этом роде, которые мне никогда не удавалось понять. Например, мне потребовалось безумно много времени, чтобы смириться с тем, что далеко не весь мир видит во мне исключительного и потрясающего парня.

Мод возвращалась на улицу Мезьер все позднее. Не здоровалась и закрывалась в спальне. Кидала пальто на кровать, включала телевизор, цыкала, когда к ней обращались — кто? ну да, я обращался, — не пропускала ни единого слова в сводках погоды. Она часами сидела в ванной с дамскими журналами, к которым еще месяц назад даже не притрагивалась.

Когда меня это доставало, я выходил пройтись. На улице было время хозяев с собаками. На обратном пути приходилось обходить какашки на асфальте. Я заходил в кафе и заказывал кружку пива у стойки. Там были другие парни вроде меня, парни, поругавшиеся с женами, или с которыми жены больше не разговаривали. Эти крики или это молчание, в конце концов, сделались невыносимыми. Они выглядели старше меня, но что я мог об этом знать? Может, мне просто так казалось. Может, я выглядел так же, как и они, со своей полупустой кружкой уже теплого пива, с выражением катастрофы на лице. Мне так не хотелось походить на них, но я уже был на пути к этому. Я выключал мобильный, что не мешало мне включать его каждые пять минут и проверять голосовую почту на случай, если Мод звонила. Но нет, ничего. Я снова шел на улицу. Париж был совсем невзрачным. Все, что раньше привлекало меня в этом городе,

теперь не производило никакого впечатления. Такси своими оранжевыми огоньками показывали, что они заняты. Свет в окнах вторых этажей, где можно было различить женщину в черном платье, стоявшую спиной к окну. Автобусные остановки с киноафишами. Двери в подъезды теперь закрыты на кодовые замки. Форт-Нокс[59] в каждом доме. Ни один телефон-автомат больше не принимал монетки. После закрытия магазинчика на Сен-Жермен не было больше газетного киоска. Мод как-то водила меня в итальянский ресторанчик, открывшийся на его месте. Она выбрала ветчину с пармезаном. Я был вынужден признать, что равиоли бесспорно хороши. Чего не скажешь о тирамису. В то время с ней мне нравилось все, и мне казалось, что и ей со мной тоже. Как же можно так заблуждаться! Она всегда упрекала меня за недостаток понимания психологии. Так и есть. Грёбаная психология.

Что она делала в это время? Звонила вам по межгороду? Который был час на восточном побережье? Я все же не собирался потребовать у «Франс-Телеком» подробную распечатку, чтобы проконтролировать ее звонки. Что бы мне это дало? Я уже терял ее. Я привыкал к этой мысли. Я и пальцем не шевелил. Близилась полночь. Я был голоден. Большинство бистро уже не обслуживали у стойки. Приходилось садиться за столик перед сэндвичем, густо намазанным теплым сливочным маслом. Я не съедал и четверти. Хотелось пи́сать. Я спускался по лестнице. Кто-то говорил по телефону среди запахов мочи и аммиака. Вот таким был Париж в девяностые. Я останавливался у витрин книжных магазинов. Кинотеатры выплевывали последних зрителей. Французские фильмы рассказывали фекально-блевотные истории. У актрис были рожи горничных. Я был не в лучшей форме. Я возвращался, стараясь не шуметь. Полоска света просачивалась из-под двери в спальню. Она гасла, как только я входил. Я устраивался в трусах и майке на диване в гостиной. Слушал уличный шум, потом погружался в гнусный сон без сновидений. Теперь моя жизнь сделалась такой, а я не знал, что это из-за вас. Но я выберусь из этого, вот увидите. Я выкарабкаюсь.

Поначалу я старался вернуть Мод. Я не знал, где она. У меня остался только номер ее мобильного. Я постоянно попадал на голосовую почту. Помню, она очень жаловалась на мобильные, в которых ничего не слышно. Она говорила: «Если он работает, то это ошибка». Где она жила в Париже? Устроит ли она у себя во дворе праздник в первый весенний день, как она обычно делала? Люди приходили с полудня до полуночи. Все приносили что-нибудь: шампанское, ветчину, цветы, что угодно. Накрывались

импровизированные столы. Соседи немного ворчали для проформы. Все приветствовали друг друга издалека. Стаканы были пластиковые. Однажды пришла даже итальянская актриса, которая снималась у Феллини.

Где она? Она не взяла мебель. Я был так далек от истины. Я представлял себе просторную гостиную на правом берегу Сены, белые льняные шторы, автоответчик, стоящий прямо на паркете, гигантский телевизор. Она любила ходить босиком по полу. Сажала занозы. Устраивала из этого трагедии. Звоня ей на работу, приходилось оставлять сообщение, поскольку застать ее в офисе удавалось в одном случае из десяти. Ах, да, осмотры квартир. Нет четкого расписания. Ее деятельность всегда носила слегка таинственный характер.

Меня пригласили на большой ужин на авеню Марсо — один из тех ужинов, о которых провинциалы думают, что они еще существуют. Что я там забыл? Хозяин дома был выпускник Национальной школы администрации, которого только что назначили руководителем крупной фирмы. Он был моложе меня. Двойной подбородок, розовые рубашки и галстуки с рисунками животных. Приглашенные благоговейно внимали ему, за исключением его жены (Матильда, пятеро детей), которая крутила вокруг своей шеи нитку жемчуга. Женщин действительно раздражают лишь те мужчины, за которыми они давно замужем. Я наблюдал за тем, как эта красивая глупая рожа нахваливает Натали Саррот[60] и министра финансов, только что ушедшего в отставку. За четверть часа до полуночи я был дома.

Она должна была мне сниться. Мод? Почему Мод? Я желал ей всех возможных несчастий. Быть может, я просто боялся того, *что* она вам обо мне расскажет.

Я перестал спать. Мои ночи превратились в долгие периоды полубеспамятства с чередой зажженных ламп, смятых газет, приоткрытых книг. Я просматривал вестерны в режиме перемотки. Я слегка устал. Пресытился — пожалуй, точнее.

В агентстве не прекращались собрания. Их называли «конференциями». Те, кто помоложе, говорили просто «конфы». Я завершил свою речь о преимуществах Нози-Бэ[61] перед Сейшелами. Заказчик поднялся, убежденный. Он продавал продукты из злаков. Нужно было опять засылать голых девиц на пляж, чтобы побуждать людей объедаться кукурузными хлопьями. Я зевнул. У меня больше не было идей. Американская манекенщица, которая должна была сниматься в ролике, поднялась со своего места, бросив:

— Вуе,[62] так и быть, покажу свою попку.

Я окинул взглядом квартиру и напомнил себе, что все это мне не принадлежит. Целая куча специалистов советовала мне покупать. Было чистым безумием платить такую аренду. Я подошел к окну. На улице какой-то тип в ярком спортивном костюме занимался джоггингом. У него-то была физиономия человека, живущего в собственной квартире.

Богатые американки выходят замуж за европейских педерастов. Во всяком случае, я полагал, что чаще всего так бывает. Я с трудом представлял себе парижаночку, исчезающую в лапах семидесятилетнего нью-йоркца. Да, конечно, вы богач. Авторские права продолжают изливать золотой дождь.

С вами все давно ясно, но мне никак не удается возненавидеть ваши книги. Этой зимой их все переиздали в новом переводе. Я перечитал их, как дурак. Это по-прежнему здорово. Мне больно это говорить, но, черт возьми, как же вы были талантливы! Вы были высшей пробы.

Помню, как-то во время обеда в «Клозри» с одним издателем я сказал ему, что, несмотря ни на что, люблю писателей.

— Это потому что вам не приходится им платить, — ответил он мне.

Ваши книги! Поговорим о них. Хотите знать, докуда дошла Мод? До двенадцатой страницы. Она громко захлопнула «Страну сливочного мороженого» и сказала: «Дрочиловка для школьниц». Вас это удивляет? По ее версии, она, разумеется, проглатывала ваши сочинения от корки до корки, заучивала наизусть целые куски, идентифицировала себя с Дэйдр, сестрой Уоррена, которая намазывала себе на бутерброды хлорофилловую зубную пасту. Просто умора.

Я получил короткую записку от Мод. «Держи себя в руках». И все. Сначала я неправильно прочел и понял: «Держи *меня* в руках». Хммм, держи карман шире, дорогуша. Сударыню замучили угрызения совести. Одумалась, да? Может, со мной было не всегда супер-пупер в постели, но уж точно получше, чем с мягким членом семидесятилетнего деда. А старческий пот под простынями, должно быть, отвратный. Я перечитал карточку. Держи *себя* в руках. Черт, вот оно что. Это привело меня в дикое бешенство. Во что она лезет? Самое время заниматься моим здоровьем. Что ей до того, как я себя веду?

Осень прошла без каких-либо новых известий от Мод. Почему

мы больше не встречались? Я был не настолько идиот, чтобы ответить: такова жизнь. Я снова был один. Состояние, к которому я уже утратил привычку.

Я скажу вам правду. Читая ваши старые интервью, я сгибаюсь пополам. Вы придерживаетесь диеты, способствующей продлению жизни? Сколько раз я вас видел мертвецки пьяным, вы шатались и опрокидывали стулья на пути. О, вы сумели организовать свой уход, — человек, ушедший от всего в поисках своего глубинного «я», избегающий фотографов. Отвратительный кривляка на арене масс-медиа. Подумать только, я поначалу думал, уж не педик ли вы. В дальнейшем я понял, как я ошибался. Между тем, так бы хотелось прочитать в желтых газетенках: «Брукинджера трахают в жопу негры на его уединенной вилле в Вермонте».

Вы в самом деле чокнутый. Не случайно убийца Джона Леннона носил в кармане ваш самый знаменитый роман. Парень быстренько смекнул, какой вы, черт возьми, псих. Из ваших страниц он черпал мужество, они оправдывали его желание укокошить кого-нибудь. Знаменитости должны прятаться или умирать. Иначе всем наплевать на них. Говоря начистоту, испытал бы Марк Чэпмен[63] потребность убить стареющую рок-звезду, не будь он одним из ваших читателей? Вы, несомненно, несете ответственность за целую кучу вещей, которые не ладятся на этой планете. Не притворяйтесь, что вы не в курсе дела. Во всяком случае, вы ответственны за крушение моей жизни. Вы не можете отрицать это. Эти ваши милые словечки — вы даже не представляете, какой вред они в себе несли. Это как в ночном клубе: некоторые парни всегда находят, что сказать сидящим на банкетках девчонкам, которые вынуждены склоняться к ним ближе из-за громкой музыки. Такие типы всегда знают, что сказать в нужный момент. Я никогда не был таким. Я был тем парнем, кто сидит напротив, на красном войлочном диванчике, в полном одиночестве с виски-колой в руке и наблюдает за тем, как понравившуюся ему девушку охаживает другой. Это история всей моей жизни. Люди вроде вас меня раздражают. Ваш пафос меня достал. Он ваших теорий тошнит. Дао, карма и все такое. Вы думаете только о том, как бы трахнуться. Вы такой же, как все. Но если вам вздумалось урвать тридцатилетнюю девчонку, вы могли бы выбрать кого-нибудь другого. Ведь от американок, мечтающих запрыгнуть к вам в постель, отбою нет, а? Я не заметил, как вы подкрались, с этой вашей манерой создавать видимость. Господи, когда же вы впервые переспали? Я был где-то поблизости?

И ведь это я заставил Мод читать ваши книги. Какой же я был дурак. Сам стал кузнецом своего несчастья. Вы бы никогда не

написали такую фразу: «Кузнец своего несчастья», как можно!

Между тем, она меня ценила. Клянусь вам, она меня ценила. Она не всегда лгала. Нам не всегда недоставало тем для разговора. Я нередко смешил ее. Мне не терпелось пойти на свидание с ней, и я уверен, что ей тоже. Порой она употреблял сложные слова, слова, придуманные для кроссвордов. Когда она слишком много говорила, я целовал ее в губы. Единственный способ заставить ее замолчать. Потеряв ее, я обнаружил, что мои чувства к ней были глубокими, настоящими. Я не ожидал этого. Особенно достает в этой истории то, что я потерял ее из-за старого козла, которым восхищался.

С некоторых пор я стал странным и нелюдимым. Я перестал принимать лекарства. Мне больше не нужны другие таблетки, кроме снотворных. Мои руки перестали дрожать.

Без сомнения, был какой-то день, после которого Мод превратилась в глухую стену, но какой? Я перестал узнавать ее. Она замолкала довольно интересным образом. Тон ее голоса изменился. Как любой нормальный мужчина, я спрашивал ее, что не так. Она отвечала: ничего, — как они всегда отвечают дуракам, которые об этом спрашивают.

— Я доверяю тебе, — сказал я ей.

Это была самая большая глупость, когда-либо слетавшая у меня с языка. Хорошо бы иногда иметь возможность послушать себя, прежде чем говорить.

— Я люблю тебя, — сказала она.

В тот момент я не отдавал себе отчета в том, что она произнесла это тоном, которым говорят: дурачок. Я чувствую, как во мне поднимается глухой ропот поражения.

Я прочесал всю квартиру. Что я искал? Мод все забрала с собой. Я наткнулся на старое письмо (18 сентября 1993 года) от одного итальянского друга, который однажды ужинал у нас. Прочитав, я убедился, что речь шла о бывшем любовнике, они переспали во время лыжного уикэнда в Сестриере.[64] Дата меня успокоила: это было до нашей встречи. Не знаю, что на меня нашло. Я вдруг повсюду стал видеть соперников. Мне было слышно, как внизу плачет младенец. Наверное, резались зубки. Родители, чета испанцев, недавно открыли в Париже сеть магазинов одежды. Я так и не подарил им ничего по случаю рождения ребенка. Теперь было поздновато. Я пренебрегал всеми своими обязанностями. Сколько было теперь их Жорди? Три, четыре месяца. Что дарят четырехмесячному ребенку? Уж Мод точно знала бы ответ.

Я чувствовал себя разбитым после слишком долгого сна. Я не

хотел, чтобы ревность заполнила мою жизнь до краев. Мне вовсе не улыбалось прослыть придурком. «Да вы его знаете, тот самый, у которого Брукинджер увел подружку. Да-да, писатель, которого никто никогда не видит». Благодарю покорно.

Есть мужики, которым удается оставаться в дружеских отношениях со всеми своими прежними женщинами. Не знаю, что они для этого делают. Я также никогда не понимал, почему большинство мужчин вверяют себя связанными по рукам и ногам женщинам, которые им заведомо не подходят. Хорошо же мне об этом рассуждать. Следовало бы уже примириться. Вскоре этот разрыв будет для меня столь же обыденной вещью, как и размер моих ботинок. Ничего личного, так, статистика. Мод: два года, три месяца и шесть дней.

Давайте-ка начистоту. Вы на какое-то мгновение решили, что я собираюсь объявить вам о своем самоубийстве. В вас промелькнуло сомнение, легчайшие угрызения совести. Да ладно, это вполне свойственно человеку. Да не краснейте вы. В течение нескольких минут вы не слишком собой гордились. Чуть было не позвали Мод. Да, нет же, вам показалось! Я не расстанусь с жизнью из-за какой-то прошмандовки и придурковатого старика-фантазера. Вы же не думаете, что мое имя напишут на уведомлении в черной рамке: «С глубоким прискорбием сообщаем, трали-вали». Я не сделаю вам такого подарка. О, не то чтобы эта идея не приходила вовсе мне в голову. Для пущей точности скажу, что был период, когда я рассматривал такую возможность. Принять анальгетики и, в тот момент, когда синие капсулы начнут действовать (надо только, чтобы снотворное не было слишком сильным), надеть на голову пластиковый пакет. Или же в гараже: задохнуться в «лянче» от угарного газа. Я был близок к этому. Без одной минуты. Но я нашел нечто другое.

С этого места читайте как можно внимательнее. Это как игра в летних журналах. Нужно отыскать кролика, спрятавшегося в ветвях деревьев, следить за деталями, замечать приметы. Не рассчитывайте, что я скажу вам, кто охотник. Не перескакивайте через строки. Вы рискуете пропустить признание. Вы еще не такое узнаете. Чаще всего письма такого рода пишут у себя в голове, как некоторые представляют себе собственные похороны. Я предпочитаю изложить все черным по белому. Так мне самому все кажется яснее. Что будет уничтожено? Прошлое? Наши жизни? Правда? Эти страницы адресованы вам и никому другому. Они взорвутся вам в лицо. Погодите. Налейте себе еще чуточку джина, я разрешаю. Рановато, но сегодня особый день, гарантирую вам. Не пейте все разом. Я хочу, чтобы у вас мысли были в порядке до

самого конца. С этого момента могут произойти ужасные вещи. Мне тоже нужно чего-нибудь выпить, так, для поднятия духа. Вы позволите?

Она не пошла на работу в понедельник. Во вторник ее тоже не было в офисе.

Мне сказали, что Мод мне изменяет. Я решил все выяснить. Это была ошибка.

Именно в то время Мод не захотела больше спать со мной. По вечерам, лежа в постели, она смотрела идиотские передачи и ела печенье, рассыпая крошки по простыням. Иногда она спрашивала меня, люблю ли я ее, и я неизменно отвечал: да. Я, в свою очередь, не решался спросить ее, почему она больше не разрешает до себя дотрагиваться. Я должен был спросить. Я же изображал безразличие человека, получившего пятый «Сезар»[65] за один вечер. Одним словом, я был ничтожеством.

Я входил в спальню. Мод сидела на краю постели в пеньюаре, с мокрыми волосами. Здоровалась, не отзывая взгляда от экрана.

— Что ты смотришь?

— Так, всякую чушь.

Она вставала, чтобы переключить канал. Кнопки пульта больше не реагировали, когда на них нажимали.

— Только что по первому показывали твоего друга Родольфа.

— И как он тебе?

— Отёчный и депрессивный.

Однажды ночью мы все-таки занимались любовью в этаком полусне. Мы не двигались. Я все еще был в ней. Я прижал ее к груди, и она залилась слезами. Я говорил ей: тише, тише, — гладя ее по волосам, прилипшим от пота ко лбу. Она успокоилась; всхлипывала все реже. Наконец, уснула. Я повернулся набок, туда, где цифры радио-будильника слабо светились синим; мой мокрый и сморщенный пенис покоился у меня на животе. Тогда я понял, что потерял ее. Прежде она не плакала.

Малый задний ход. Вы застегиваете на все пуговицы свою оксфордскую рубашку. Это всегда было выше моего понимания — люди, которые застегивают верхнюю пуговицу, не надевая галстук. Вы что, из деревни приехали, или как? Марка рубашки: «Брукс Бразерс». Вы, конечно, удалились от света, но все-таки. Черт знает что носить не станете. Сегодня вам не очень хочется

бриться. Сделайте это. Да, да, сделайте это. Смелее. Это не займет много времени. Мод ужасала моя небритость, знаете ли. Ее это просто выводило из себя. В таких условиях о поцелуях не может быть и речи. Вот видите, чем вы рискуете. Ну вот, теперь я уже даю вам дружеские советы. Не брейтесь ни в коем случае, и гори оно все огнем. Пусть ваши серые щеки станут жесткими, как наждак. Вы старичок, напоминающий мне дедушку с рекламы «Макдоналдса».

Я не хотел унизительных признаний. Мне достаточно было простой правды.

— Это трудно, — сказала мне Мод.

Она не знала, с чего начать. Позади маячили наши общие воспоминания. Теперь они казались неуместными, как личные безделушки, расставленные в гостиничном номере. Она выбрала обед в ресторане на Мадлен, где подавали лучшую в городе икру.

Она уходила. Незачем было к этому возвращаться. Я даже не был зол. Я говорил с ней обо всем, что мы пережили вместе. Я подлил ей немного белого вина, которое она любила, «Шатонёф-дю-Пап» 1995 года. Она подвинула вперед руку по скатерти. Я накрыл ее своей. Она не убрала руку. Ее глаза так блестели, что казалось — они полны слез. От этого ее взгляд становился потерянным; вам это тоже сразу в ней понравилось. Никто не мог перед этим устоять.

Она не хотела говорить правду мне в глаза. Мне нужно было лишь слегка включить воображение. Может быть, Мод чересчур любила деньги или, по крайней мере, то, что они позволяют делать. С ней следовало бы уехать туда, где нет магазинов, в рай, где никто не слыхал о существовании кредитных карточек. Она хотела жить своей жизнью. Я никогда не понимал толком, что значит это выражение. Теперь я знаю: в общем и целом оно равноценно пожеланию удачи тем, кто вас любит. Мод улыбнулась мне. В ее улыбке была жалость и какая-то усталость. Мне она не понравилась. О, нет, мне она совсем не понравилась.

Мод вышла из ресторана. На улице лил дождь. Я видел через стекло, как она остановилась на секунду, чтобы раскрыть зонтик. Затем исчезла в воскресной толпе. Я наполнил бокал белым вином и выпил до дна. Мод свое вино так и не допила. Она никогда не допивала порцию целиком. Я тоже вышел на улицу. На перекрестке была припаркована полицейская машина. Чуть поодаль стояли автобусы жандармерии. Манифестация еще только ожидалась. Я застегнул ворот плаща.

Продолжение было тягостно-банальным. На улице Мезьер я оскорблял Мод, как никогда прежде никого не оскорблял.

Никогда не думал, что мне придется употребить когда-нибудь такие слова. Даже не осмеливаюсь их здесь воспроизвести. Мод не отвечала. Она была уверена в себе. Ее выбор был сделан. Я вел себя отвратительно. Это можно оправдать, но гордиться тут нечем. Я позволил себе опуститься до низости. Печаль и смирение должны были прийти позднее. Я говорил себе это, чтобы утешить самого себя. Это ничего не дало. Хотел бы я, чтобы все было цивилизованно. Хотел бы я потерять ее без драмы, нежно похлопав по попке. Я был не способен на это. Наши родители не учат нас, как вести себя в подобных ситуациях. «Береги себя». Вот, что она сказала мне, уходя. При том, что она никогда не употребляла это выражение.

В тот вечер по телевизору показывали документальный фильм о смерти Мэрилин Монро.[66] Что вы делали 5 августа 1962 года?

Так закончилась наша красивая история. Мод оставила мне квартиру со всем ее содержимым. Забрала только свои диски и одежду. Видеокассеты я мог оставить себе. Книги тоже. Ее родители развелись, когда ей было десять, и она присутствовала при разъезде с грузчиками, которые беспрестанно спрашивали, что куда отправлять. Это зрелище ранило ее. Ее отец, в конце концов, хлопнул дверью. «Разбирайтесь сами со своими коробками!» Она хотела оградить нас от этого.

В конце концов, я все выяснил. Мод была со мной откровенна. Вы трахали ее во второй половине дня в «Плазе». Прошло время маленьких гостиниц на Левом берегу. Наезжая в Париж, Господин вел прием с пяти до семи в своем люксе на авеню Монтень. Селился в роскошных номерах под чужим именем. Вы — как хотите, но я не думал, что у Мод такой плебейский вкус. Вы угощали ее шампанским, заказав его в номер? А икру заказывали — *потом*? Могли бы, кстати, не звонить мне посреди ночи, забыв про разницу во времени. Догадываюсь, что алкоголь был причиной подобной забывчивости. Но, мне кажется, если у кого-то из нас и был повод напиваться, так это у меня, верно? Я ненавидел, когда меня внезапно будил оператор «AT&T».[67] Я ненавидел это. Во сне мне удавалось не думать о Мод. Ее больше не было рядом. Я не знал, куда она ушла. Если у вас не было ее нового номера, я тут ни при чем. Она мне его не оставила, гарантирую вам.

Теперь разбирайтесь с ней сами. Ваша очередь привыкать к ее отлучкам. Что она вам рассказала? Что я вернулся к своим родителям? Сообщаю вам, что она оставила мне квартиру. Она

была не до конца неэлегантна. Не будем говорить об одном и том же сто пятьдесят лет. Я так и не узнал, когда она начала мне лгать.

У меня нет времени, чтобы подробно излагать вам все, что у меня на сердце. Я не думал больше ни о чем другом. Я видел Мод в ваших объятиях. Я видел, как она приносит вам завтрак, выходит из вашей ванной, обмотав себя подмышками махровым полотенцем. Будет неправдой сказать, что эти видения не причиняли мне боль. Мне больше не следует думать о ней. Отныне вы будете заполнять мой разум, питать мою ненависть. Тут есть простор. Этот дом в лесу — я не хочу больше видеть его в красках, с его низеньким белым заборчиком, с его гравием, шуршащим под колесами, с его почтовым ящиком на колышке.

Вы говорили мне, что вам имплантировали сердечный клапан. Ваши рассказы не представляли больше интереса. То были воспоминания, завернутые в прозрачную пленку.

Мод объяснила мне по телефону:

— Он рассказывает мне разные вещи. Он говорит мне то, чего мне никто никогда не говорил. Даже ты. Ты говоришь, только когда боишься. Или когда грустишь.

— Это не одно и то же?

За кого вы себя принимаете? Старый козел. Вас возбуждают маленькие девочки, верно? У них такая нежная кожа, мурлыкающий голосок, чинный вид. Мод старовата для вас.

Это был один из тех послеобеденных сеансов, на которые ходят только одинокие. Я пересмотрел фильм, снятый по вашему второму роману, где у актеров просто мания повторять с вопросительной интонацией последние слова собеседника. Так что ничего удивительного, что фильм шел два часа сорок минут. Он был разнесен критикой в пух и прах. Публикой тоже. «Белки Центрального Парка» даже не существовали на видео. Один из самых значительных провалов студии «Уорнер». Вы укрылись за тем фактом, что не принимали участия в написании сценария. Это очень в вашем духе. Бери деньги и сматывайся. Господин Чистые-Руки.

Как я представляю себе адюльтер. Вот эта комната. Вот эти простыни. Вот этот свет. Вот эти шторы. Вот эта женщина, которая хочет быть голой. Вот эти слова. Вот эти ласки. Вот эти часы на тумбочке. Вот эти двое.

Ночь, телефонный звонок. На другом конце провода сначала

молчание. Затем рыдания, женские слезы на междугородней линии. Ваша дочь Зельда — Зельда! вы посмели назвать свою дочь Зельдой — всхлипывая, извиняется. Она нашла мой номер через Интернет. Она ужасно злилась на вас. Она была на моей стороне. Вы умели только делать людям зло. Началось со ссор с вашей женой, с криков, оскорблений, — все на глазах у детей, которые тянули вас за рукав и умоляли прекратить. Или же дверь спальни запиралась, как только тон повышался. Это продолжалось с вашими книгами, которыми вы пользовались, чтобы мстить, — этими книгами, которые все соседи читали с нездоровым наслаждением. Другие ученики в школе говорили о них, хихикая. Зельда сказала, что в то утро, когда она увидела рукопись «Страны сливочного мороженого» на столике в гостиной и эту первую фразу, облетевшую позднее весь свет и ставшую паролем во всех кампусах, она не знала, что это перевернет всю ее последующую жизнь. «Страна сливочного мороженого», как известно, рассказывает в подробностях историю несчастного брака университетского преподавателя с одной из его студенток. Ярость взрывалась на каждой странице. Этим сведением счетов вы задели нечто в сознании американцев. Карманные издания продавались миллионами экземпляров. Желтая обложка стала столь знаменитой, что вскоре заговорили о «желтом Брукинджере». Сегодня в ход пошли бы футболки, кепки с изображениями ваших героев. Но сегодня никто уже не читает, а вы считаете особым шиком не писать. Зельда высморкалась. В романе ее мать получила по заслугам. «Страна сливочного мороженого» разрушила вашу семью. Успех был огромен, а детство Зельды полетело ко всем чертям.

— Зельда? Вы еще здесь?

— Я никогда не узнавала свою мать в том портрете, который изобразил отец. Она не была жестокой. Уязвимой — да, но не жестокой. Отец так и не понял, насколько она была хрупка. Да, положим, она изменяла ему. Но, черт возьми, она делала это на десять лет меньше, чем он. Десять лет! И надо было видеть, как он с нею обращался. Она была так молода, у нее было право на ошибки. Разве нет?

— Вы замужем, Зельда?

— Чуть было не вышла. Однажды. Я все отменила накануне свадьбы. Ну и сцену устроил мне отец. Мой бывший жених был сыном его издателя. На карту было поставлено мое будущее, а отец думал только о своих авторских правах и контрактах. После этого я никому больше не доверяла. Я хотела, чтобы он поддержал меня, сказал, что я была права. Он не разговаривал со мной много месяцев. Иметь отца-писателя особенно утомительно.

Во-первых, он написал роман об их разрыве. Во-вторых, этот роман трансформировался в феномен мирового масштаба. Для всего мира моя мать была дешевой потаскухой, ненасытной нимфоманкой. Что касается меня, то я фигурировала в виде пятилетнего мальчика по имени Рональд. А вы говорите: воображение. Для других, особенно спустя столько лет, это просто книга. Для меня — атомная бомба. Долгие годы я отказывалась прочесть ее. Я не хотела знать, что моя ужасная мать заставила вытерпеть моего ангела-отца. Мне хватало статей. Я дождалась, пока мне исполнилось пятнадцать. Я прочитала ее за один уикэнд, не отрываясь ни на что другое, лежа на своей постели и поедая шоколадные палочки «Кэдбери». Вы не можете себе представить, какой это был шок. У мерзавца был такой талант. Эти красочные фразы, юмор, сквозящий в диалогах, эта тоска, принадлежавшая ему одному. Но я узнавала всех персонажей. Эти люди бывали у нас дома, с ними мы ходили в кино, в рестораны. Один из них был любовником моей матери. У этого типа были волосы с проседью и собака лабрадор. Разумеется, я его обожала. Во время каникул он всегда угощал меня ванильным мороженым в баре на пляже. Я вас не утомила?

— Нисколько. Продолжайте.

— В то же время, если бы моя мать не влюбилась в первые тексты моего отца, я не появилась бы на свет.

Она снова всхлипнула, извинилась и аккуратно положила трубку, без предупреждения, беззвучно.

Надо вам сказать, что Мод не всегда была таким ангелочком. Через месяц после нашего знакомства она забеременела. Разумеется, меня она не предупредила. Барышня коварно решила перестать пить таблетки. «Доказательство любви», — как она говорила. Ну и лицо у нее было, когда я заявил, что не может быть и речи о том, чтобы оставить этого ребенка. Надо отдать ей должное, она не стала устраивать драм. Оглядываясь назад, надо признать, что у меня было тонкое чутье. Что бы мы стали делать с ребенком? Одна из ее подруг отвезла ее в больницу Сен-Венсен-де-Поль. Я забрал ее оттуда через два дня, и мы остановились в «Клозри де Лила», чтобы съесть стейк-тартар. Мне было не по себе. Она была очень бледная, почти не разговаривала. Я боялся, что она вот-вот расплачется. Похоже, именно из-за этой операции она не может больше иметь детей.

Я попросил счет, и мы сели в «лянчу». Думаю, я никогда в жизни не вел машину так медленно. Мод включила радио. Помнится, крутили старую запись Джексона Брауни,[68] ту песню, которая длится почти четверть часа со сменой ритма в середине.

Мы больше не заговаривали об этом. Не знаю, сделала ли она это нарочно или же по неосторожности. Быть может, она просто-напросто была влюблена. Существует такая категория девушек, которые уверены, что ребенок — именно то, что сможет доставить удовольствие парню. Мне же категорически не хотелось стареть, вешать на себя новые обязанности. Я это к тому, что дорога перед вами открыта. Так что кончайте без опасений, старая сволочь. Удваивайте порцию «виагры». Вы ничем не рискуете. Ни один маленький Брукинджер не обременит нашу планету.

— Я хотела бы машину побольше, квартиру поменьше и ребенка, — сказала Мод.

— В какой последовательности?

Честно говоря, я не слишком разбираюсь в писателях. Поэтому-то я не питал к ним недоверия. У нас был один в семье, дальний родственник, погиб в автомобильной катастрофе в 1986 году, что казалось мне тогда совершенно немодным. Мне запомнилось, что он вечно опаздывал, куда бы его ни приглашали, и говорил слишком много о себе. Одна из его книг была экранизирована на телевидении, и он всех этим достал. Я посмотрел, что из этого вышло, только потому, что в титрах значилась актриса, которая мне очень нравилась. Моя мать говорила, что Серж слишком много пьет, но его можно простить: таковы все художники. Она находила ему тысячу оправданий. Художник! Я вот думаю, а не был ли Серж немного педиком. Его никогда не видели с девушкой. Если только он не был любовником моей матери. Что вполне возможно. Он погиб за рулем французского автомобиля, что лишь еще больше уронило его в моих глазах. Я не прочел ни одной его книги. Этот придурок дарил нам свои сочинения на каждое Рождество.

По ночам было хуже всего. Днем еще туда-сюда. Впереди у меня были тысячи вечеров. Я сижу рядом с телефоном, а телефон не звонит. Мне страшно смотреть на себя в зеркало.

Где Мод? Где она? Она знает, как меня найти. Ей всего лишь нужно набрать старый номер, который, как она говорила, она моментально запомнила, потому что в нем были сплошные 7. Я хотел бы вернуться в Париж и найти ее там, в нашей квартире, в белых трусиках и серой футболке, с длинными голыми ногами, покрытыми легким пушком. Я хотел бы нещадно избить ее. Надо еще привыкнуть бить женщину, не правда ли? Я хотел бы проснуться, вылезти из всего этого дерьма.

В какой-то момент мне казалось, что я умру. Такая у меня

жизнь: куча гадких страхов, лишенных всякого смысла. Я поддавался и уходил в себя.

Я заговариваюсь. Да, я заговариваюсь. Вам виднее. Я не настолько дзэн, как вы. Йога — тоже не мое. У меня болит живот. Моя мать говорит, что это тревога. У меня есть мать, которая заглушает собственную тревогу ирландским виски.

Я написал это письмо на одном дыхании, опустив голову под воду. Задержка дыхания на **[КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ ПО ВЕРСТКЕ]** страницы. Не удивляйтесь, если я вас забрызгаю, вынырнув на поверхность. Если у вас будут трудности с переводом, обращайтесь к Мод. Вы заметили, я так и не решил окончательно, использовать мне сложные или простые глагольные формы.

Безусловно, все должно было неизбежно закончиться именно так. Мод не виделась со своим отцом много лет. Вы обладали всеми необходимыми качествами, чтобы сыграть эту роль. Во всяком случае, в большей степени, чем я. Помимо возраста, который тоже кое-что значит, вы были милым, предупредительным, внимательным. Ваша легенда не портила картины. Пусть Мод будет окружена этой плотной тайной, усиливающей вашу соблазнительность.

На этот раз перезвонил я. Зельда была очаровательна. Она живет в том здании из бурого песчаника, где снимали «Завтрак у Тиффани».[69] Весь день люди стоят на тротуаре напротив и фотографируют фасад. Она продолжила разговор, как ни в чем не бывало. Вы взяли с собой пишущую машинку в свадебное путешествие. Такая уж была у вас привычка. Вы не расставались с машинкой и в клинике, где вы ожидали рождения дочери. Медсестрам даже пришлось запретить вам производить это странное бряцание, раздражающее других мамаш. Когда вы печатали свой первый роман, сломалась буква «Л». Вам пришлось от руки заполнять оставленные машинкой пробелы. Вы так и не продали права на экранизацию «Страны сливочного мороженого». А ведь Пол Ньюман[70] мечтал сыграть Уоррена Бёрда. Ни одна из ваших книг не получила такого же всемирного признания, как первая. На фотографиях того времени вы неудачно изображали Стерлинга Хэйдена в «Последней команде» или Берта Ланкастера в начале «Убийц».[71] Зельда сохранила майский номер «Нью-Йоркера» за 1972 год (в тот год вы были членом жюри Каннского фестиваля), где была напечатана ваша последняя новелла.

Был и третий роман, знаменитое продолжение приключений семьи Бёрд. Ну и афера. Публика была в напряжении. В прессе множились отклики. Ваша политика: молчок и рот на замок. Книга так и не вышла. Она превратилась в миф. Одна глава появилась в «Эсквайре». Больше ничего. Однако стало известно, что вы отправили рукопись под вымышленным именем в несколько издательств. Все без исключения ее отвергли. Эта новость вас подкосила. Ни один литературный бонза, даже тот, с которым вы еженедельно обедали на баскском побережье, не узнал ваш стиль. То, что началось как розыгрыш, оборачивалось неприятностью. Шутка обернулась против вас. Вы смеялись, рассказывая об этом. Это был принужденный смех. Вы ничего не добавили, но по вашему тону, по чему-то едва уловимому в вашем взгляде я почувствовал, что этот неприятный случай способствовал вашему решению замолчать. В некотором смысле это было решение, достойное уважения. Так началось безмолвие, лишившее Америку одного из самых блистательных ее писателей.

Между тем, с вами никогда не в чем не было уверенности. У истории было продолжение. В полнейшей тайне вы напечатали книгу за свой счет и несколько экземпляров передали детским библиотекам. Стоило ли вам верить? Я настаивал, чтобы вы раскрыли мне псевдоним, которым пользовались, но тут у меня не было шансов. Ваша хитрая улыбка отражала все конкретные вопросы. Тема была закрыта. Вы и так сказали достаточно. Если вы не солгали, ваш трюк действительно в своем роде удался. Страницы, наиболее востребованные во всем мире, прячутся где-то между «Питером Пэном» и «Элоизой».[72] Вас это, должно быть, забавляет. Вы их всех надули. В то же время я различил в вашем жесте легкую тоску. Вы играли с огнем. Величайшего американского писателя отвергли, точно вульгарного новичка. Вы увидели доказательство того, что издательский бизнес — большая насмешка. Я же посмеиваюсь, представляя, как целая армия исследователей, засучив рукава, будет рыться на пыльных стеллажах, забитых Энид Блайтон[73] и Гарри Поттером, чтобы обнаружить заветный томик — при том, что ни название, ни имя автора им не известны.

Мод, дальше я буду писать для тебя. Скажи Себастьяну, что он может пропустить этот кусок. Пускай он пойдет и нальет себе мартини в кухне, включит телевизор, где-нибудь обязательно передают сводку спортивных новостей. О’кей, Себастьян? Отлично. Мод, ты еще там?

Почему мы больше не друзья? Я думал, что мы сумеем

находить общий язык, что воспоминания окажутся сильнее. Мод, сквозь дым твоей сигареты я снова вижу твою болезненную улыбку, решимость в твоих глазах, смотревших на меня так пристально, что я отводил взгляд. Мы попытались поговорить в том русском ресторане, где подавали копченую семгу и икру. Водка сделала нас еще печальнее. Мы выпили за наши глупости, за наши секреты. Мне не удавалось напиться. Можно было подумать, что мы — в самом важном месте на земле. Не знаю, как ты, но я смотрел на вещи именно так. Возможно, ты уже забыла этот обед, ту блондинку за соседним столиком, про которую сказала: «Хочешь увидеть женщину, сделавшую больше всех в Париже подтяжек? Обернись». Метрдотель, говоривший с южным акцентом, десерты, предназначавшиеся не нам, сломавшаяся машинка для кредиток, рука, которую ты перед уходом молча положила на мою руку. Между нами отныне было лишь непонимание. Я сохранил этикетку от перцовой водки. Я такой больше нигде не видел.

Я просто хотел спросить у тебя, какую же ошибку я допустил. Раньше мне все казалось логичным. Теперь я в растерянности. Я построил себе будущее и думаю теперь только о прошлом. Как-нибудь мы могли бы, ну, не знаю, встретиться, выпить по стаканчику, как взрослые люди, вновь поговорить о тех днях, что были так заполнены эмоциями. Ты все так же отрываешь фильтр у сигареты, прежде чем закурить? Все так же забываешь выключить из розетки фен в ванной? Видишься ли по-прежнему с той смешной девчонкой, с которой ты училась и которая потом стала поваром в сэндвич-баре на улице Бургонь? На тебя это наводило грусть. Кажется, ее звали Бенжамин. Да, точно: Бенжамин. А когда тебя что-то раздражает, ты все так же постукиваешь указательным пальцем по передним зубам? Ты по-прежнему жалеешь, что у тебя нет детей? Тебе было скучно со мной, скажи? Только не надо мне соболезновать. Ты, должно быть, была лучше меня вооружена, имела скрытые ресурсы. Я чувствую себя как будто после тяжелой болезни. Ты заразила часть моей жизни. Я только теперь начинаю излечиваться. Мне следовало избавиться от тебя, смыв струей из поливальной машины. Мод, пожалуйста, сгинь.

У меня есть фото в металлической рамке — мне там пять лет, и, когда дела не клеятся, я разговариваю с ним. Хотите верьте, хотите нет, но я с ним разговариваю, с этим маленьким мальчиком. Смотрю на него. Я не слишком защищал его. Он не знает, что его ждет. В целом я попытался честно уцепиться за свои детские мечты.

Я рассказал об этом Мод за нашим первым ужином в ресторане. Она ничего не ответила, но на другой день дала мне свою фотографию в том же возрасте. Оба снимка стоят рядышком на каминной полке.

Я снова увиделся с Мод, представьте себе. Возможно, она вам не говорила, но, вернувшись в Париж, чтобы решить вопрос с паспортом, она позвонила мне.

Был понедельник. Я пообещал себе не произносить вашего имени. У городских улиц был нездоровый вид половины восьмого вечера, когда все служащие неохотно возвращаются домой. Я не хотел опаздывать. Отменил одну встречу. Мод позвонила в дверь в тот момент, когда я ставил музыкальный сборник. Она сняла пальто.

— Что будешь пить? Джин с грейпфрутовым соком?

Она в два глотка осушила стакан. Диск начался с очень медленной песни.

— Потанцуем?

— Нет.

— Ну же, давай.

— Я не люблю медленные.

— Я тоже. Иди сюда.

Она протянула руки ладонями вверх, склонив голову набок, как она умела.

— Спасибо. Ты меня ненавидишь?

— Нет. Больше нет. Впрочем, не знаю.

Ее ноги плавно скользили по паркету. Я чувствовал ее спину под своей рукой, жесткость ее позвоночника.

— Я недостаточно выпила.

Я посмотрел на нее как можно холоднее.

— Что с тобой?

Она улыбнулась, скривив челюсть. Американки часто так делают при разговоре, изображая губами кольцо Мёбиуса. Песня закончилась. Я заставил Мод совершить рок-н-рольный поворот в замедленном темпе.

— Это ты научил меня танцевать рок, — сказала она.

Я выключил проигрыватель. Я знал, что дальше будет песня «Битлз», которую я терпеть не мог. Мод встала и пошла в кухню. Я слышал, как она резко открыла дверцу посудомоечной машины, убедилась, что внутри пусто и чисто, затем закрыла дверцу. Вернулась, закуривая сигарету. Поставила диск, изъявила желание еще потанцевать. Я подчинился.

— Я уверена, что ты даже не сможешь сказать, какого цвета у меня глаза.

Я повернулся к ней, чтобы заглянуть в лицо.

— Эй, не подглядывать!

Мы танцевали уже несколько часов в легком хаосе рока, виски и футболок. Мод осталась ночевать. В постели она уселась на меня верхом, и ее слезы капали одна за другой мне на грудь. На меня это произвело странное впечатление. Она тихо плакала, легонько двигаясь. Клянусь вам, я ничего не выдумываю. С чего бы я стал выдумывать? Когда все закончилось, она уснула без единого слова.

Это был последний раз, когда я спал с ней. Я помню этот раз и самый первый, но я не собираюсь рассказывать вам свою жизнь, так что на всяких сальных подробностях можете поставить крест. Во сне Мод скрипела зубами. Не каждую ночь, но довольно часто. Позавтракать она отказалась. Она спешила. Я проводил ее до улицы Севр. Ветер прижимал воротник плаща к ее груди. Порывы были настолько сильными, что дождь шел почти горизонтально. В витрине химчистки на вешалках висело с десяток балетных пачек. Мод поцеловала меня в обе щеки. Этот поцелуй мне стоило бы прокрутить в замедленном режиме. Теперь я был уверен: глаза у нее черные, как арбузные косточки.

— Завтра какой день: четверг?

Потом было молчание, в котором мы, несомненно, думали об одном и том же.

Она садится в 70-й. Автобус отправляется в сторону XV округа. Мод внутри. Я говорю себе, что вижу ее в последний раз. Я говорю себе, что это неправда. Я возвращаюсь на улицу Мезьер. На журнальном столике пустая смятая пачка «Мальборо». Adios, basta, finito.[74]

Последующие месяцы стали периодом грусти и растерянности. Я опасно оплакивал себя. Никто больше не произносил при мне имя Мод. Как будто ее никогда не существовало. Я не хотел этого. Забвение не было выходом, и воспоминаний не было достаточно. Я собирался отомстить за себя. Я не знал, как, но собирался мстить. Не могло быть и речи о том, чтобы оставить Мод окончательно в прошлом.

Друзья проявляли сдержанность, отстраненность. Все, конечно, говорили, что я слишком много пью. Меня редко куда-либо приглашали. Люди не очень знали, что им делать за ужином с таким типом, как я. Мне было так хреново, что вечерами я слушал старый «Супертрэмп». Дойдя до «Дайр Стрейтс», я бы действительно забеспокоился.

Теперь есть эта девчонка в Америке.

Я научусь жить один. По утрам в субботу я читаю газеты, не

имея возможность комментировать их вслух. Я скучаю по Мод. Я продолжаю получать «Элль» и «Вог» по ее подписке и не знаю, куда их ей переслать. Есть множество мест, куда я не решаюсь теперь ходить из опасения, что меня спросят о ней. Это еще хуже, чем если бы она умерла. Я чувствую себя пустым, вывернутым, как перчатка. Мне посоветовали напиваться. Я смотрю литературную передачу, где одна лесбиянка подробно рассказывает, как она спала с собственным отцом. Еще одна книга, которую я не куплю.

Однажды мне удается уснуть. За окном меняются огни. Заканчивается тысячелетие. Турция, Греция, Токио — земля трясется со всех сторон. Вполне закономерно, что я не слышу скрипа собственных зубов. Нужно бы что-то сделать. Внезапно мне становится холодно. Это скоро закончится. Когда я засыпаю, мне снятся страшные сны. Какой-то негр прижигает грудь Мод паяльной лампой. Учитель математики, который вел у меня в десятом классе, всаживает мне шприц в правый глаз. Песенка Селин Дион[75] бесконечно играет на пластинке. Я вынужден под угрозами обедать в ресторане магазина Колетт.[76] Я просыпаюсь в холодном поту, в горле пересохло. Я попробую выздороветь. Слишком много моментов прошлого, хороших, плохих, покоятся здесь, как экспонаты на витринах музея, отныне недоступные богатства, которые теперь лишь дразнят меня. Мод и ее такая гладкая кожа на локтевом сгибе, Мод, такая крошечная, что ее хотелось прицепить, как магнит, к двери холодильника, звуки, краски, эскимо в антракте, зажигалки, горящие под конец концертов в Берси,[77] восхитительные маленькие сэндвичи в «Лина», проездные билеты, талоны на такси, шоколадные кексы. Все хорошо. Все будет хорошо. Я прилипаю лбом к стеклу. За окном идет снег. Я наблюдаю за падением хлопьев, за их бледной медлительностью. Такие вещи не должны ни с кем случаться. Это невозможно. Это было бы вроде жизни до того, как изобрели грусть и развод. С таким же успехом можно отказаться жить.

Скоро у Мод день рожденья. Я всякий раз возил ее в «Бернар Луазо» в Сольё.[78] Сомневаюсь, чтобы в ваших краях какой-либо ресторан выдержал бы с ним сравнение. Около 6 сентября Мод будет немного сожалеть о нашей совместной жизни. Это, возможно, единственное, чего ей будет недоставать, но позвольте мне думать, что все уже именно так. В Штатах нет сезона трюфелей. Вы пригласите ее в один из этих ваших ресторанов, где подают лангустов и мясо под соусом. Мод улыбнется, потому что она хорошо воспитана, и потому что ей вовсе не противны усилия, которые прилагают ради нее. В этот вечер я поужинаю

один. За ваше здоровье.

Простите, но мне уже поднадоело рассказывать вам о своей жизни. Отныне я намерен разрушить вашу.

Через год после того, как я потерял Мод, я купил билет до США. Путешествие было беспокойным. Часовая задержка вылета из-за проблем с электроникой позволила мне оказаться в первом классе.

Большинство пассажиров спали. Фильм на портативных экранах шел практически для никого. На родину возвращался Вуди Харрельсон.[79] Я тоже решил вздремнуть.

Самолет набрал высоту и снова вошел в зону облачности. Турбулентность становилась все сильнее. Обшивка салона тряслась, как эпилептик в припадке. Стюардесса была высокая блондинка с родинкой над верхней губой. Я сидел у иллюминатора, рядом никого не было. Крыло блестело, как ложка из нержавейки. Я зажимал нос. Уши не откладывало. Стюардесса принесла легкий завтрак. Я не притронулся к бутерброду с семгой, попробовал бордоское вино из лучших сортов винограда, которое не соответствовало своей репутации. В громкоговорителе послышался гнусавый голос командира корабля. Он сообщил температуру на земле и извинился за прибытие на три минуты раньше. Сзади захлопали. Я приподнял шторку, чтобы взглянуть в окошко. Внизу бесконечной синевой блестела Атлантика: небо наоборот. Поверхность была усеяна крошечными белыми пятнышками от волн. Я любовался следом моторных лодок, первыми домами на побережье. Вода, должно быть, ледяная и кишит акулами. Аквалангисты искали бы мой обглоданный труп. Странная боль скрутила мой желудок. Перед туалетом стояла очередь. Я впервые в жизни срал в самолете. Спина немного побаливала от долгого сидения. Возбуждение усилилось. В другом конце прохода подросток ритмично кивал головой, наушники обрамляли его лицо. Стюарды собирали одеяла и запихивали их в черный пластиковый мешок. На таможне передо мной стоял огромный пакистанец в кожаной куртке с изображением индейского вождя на спине. В зале прилетов от наряженной елки и рождественских гимнов мне стало еще более одиноко. Тряское такси привезло меня на Манхэттен. Пробка началась задолго до тоннеля. Машины медленно двигались, почти касаясь друг друга. Мы ехали мимо заброшенных строек, церквей всех конфессий, баскетбольных площадок, домов престарелых, дощатых крашеных домиков, бензоколонок, магазинов похоронных принадлежностей,

кафетериев, бейсбольного стадиона, дешевых мотелей, нефтехранилищ. Въехали на подвесной мост. Солнце вот-вот должно было сесть, и в его последних лучах обозначались силуэты небоскребов. Ухо внезапно отложило. Не знаю, возбужден я или все-таки устал.

В моей голове нашептывали голоса. Разница во времени давала о себе знать. Лифт всосал меня, как соломинку, на мой этаж.

Вечер. Дождь усиливается. Я смотрю через окно, как внизу капли рисуют круги на лужах. Отель расположен в Сохо. На тротуаре напротив наискосок припаркован грузовик. Весь кузов покрыт граффити. Во втором ряду ожидает желтое такси. Мужчина в верблюжьем пальто садится назад, и шофер резко газует. Я тотчас же слышу свисток, подзывающий другую машину. Ветер носится между зданий. Вдоль улицы кружатся газетные страницы. Мерзкая зима. Заказываю в номер клуб-сэндвич. В программе варьете мелькает Марианн Фейтфулл.[80] Агентство пользовалось ее «Ломаным английским» в качестве музыкального сопровождения для рекламы растворимого кофе.

Я гашу свет. Звоню Марго; ее нет дома. Пробую набрать Родольфа; тоже никого. В Париже все отправились ужинать. Я не оставляю сообщений.

Я лежу в темноте с широко раскрытыми глазами.

Нью-Йорк, блядство. Чертов город. Я никогда бы не поверил, что можно быть таким несчастным так далеко от дома. Для меня несчастье было чем-то интимным, вроде домашнего животного, от которого не удается избавиться и которое портит вам жизнь. Ночью, один в этом номере 306, я включал свет каждые четверть часа. Меня безудержно рвало. Не знаю, что со мной было. Я проводил время на коленях перед унитазом. Мне даже не нужно было засовывать два пальца в рот. Все выскакивало само, почти без усилий. Казалось, будто я никогда не усну. Я вспоминал всех этих рок-музыкантов, которые умерли во сне, захлебнувшись блевотиной. Я сидел в темноте, скрючившись, как ружейный курок. Мне было холодно. Я дрожал, сжавшись в комок под простынями. Как будто перед этим горстями ел сухой лед. Мой желудок никак не мог успокоиться. Это продолжалось. Я пропускал время еды, пи́сал каждые двадцать секунд. Уличный фонарь рисовал полоски на потолке сквозь венецианские ставни из дерева ценной породы (точное название, несомненно, фигурировало в рекламном буклете отеля, но я его забыл: моя голова была забита другими вещами, если вы понимаете, о чем я). Я беспокоил службу доставки еды и напитков в номера сутки

напролет. Когда в мини-баре не оставалось больше пива, я снимал телефонную трубку у изголовья кровати и нажимал на цифру 8.

— Возьмите, это вам.

Я засовывал два доллара в руку портье. Нью-Йорк — это город, где ты только и делаешь, что раздаешь купюры: чтобы попи́сать, выйти из такси, перешагнуть порог. Я дошел до того, что не решался вернуться в отель, не наменяв мелочи в газетном киоске или в *delicatessen*.[81] Я скупал журналы, которые не читал, не допивал свой кофе в кафе, лишь бы разбить десятки и двадцатки. Почему портье в гостиницах одеты лучше клиентов?

В течение дня я уходил и приходил. Я не сидел на месте. Языковой барьер усиливал мою растерянность. Как вы могли заметить, мой английский всегда был очень даже средненьким. В ресторане я наугад тыкал пальцем в меню или указывал на тарелку на соседнем столе. У японцев я выходил из положения с помощью номеров. А что мне еще было делать? Иначе пришлось бы питаться гамбургерами из «Макдоналдса» на Бродвее. Когда официант обращался ко мне, я кивал с понимающим видом. Последствия: он приносил белое игристое вместо заказанного шардонне, потчевал меня салатом из красной капусты, вызывавшей у меня тошноту.

Я пил, как никогда прежде, совсем один, безо всякого повода. Ни малейшего удовольствия. Выпивка помогала мне держаться. Рекомендую этот метод всем, кого бросили. Печень — орган гораздо крепче сердца. Я влил в себя многие литры за эти несколько недель. Мне не удавалось захмелеть. Я был непрерывно возбужден. И это не было неприятно. Хотелось бороться.

Я вошел в какой-то бар, залитый светом, точно операционная. Все были в солнечных очках. Бармен не знал, что такое «джин-физз». Пришлось довольствоваться «джин-тоником». Вы здесь говорите «джин-и-тоник». Как вам будет угодно. Считаете себя жандармом человечества, и даже не знаете, как приготовить «джин-физз». Я пошатывался перед писсуаром в подвале. В раковине таяли кусочки льда. На фаянсе прилипший черный волос изображал безупречную букву «S». Я застегнул ширинку, из лени не обращая внимания на верхнюю пуговицу. Кроме шлюхи, жаждущей сделать мне минет, никто ничего не заметит. Я не брился с самого приезда. Мой подбородок стал колючим.

Вот он я, у стойки указываю на краны бочкового пива. Я из тех, кто не различает *pale* и *ale*.[82] Налейте, что первое подвернется. Наполните этот чертов стакан, не рассыпаясь в

любезностях, меня это вполне устроит. Меня все устраивало. Еще порцию, *please*.[83] Скорее, у меня мысли путаются. Я позабыл, зачем приехал. Я больше не находил слов, моих скудных английских слов. Я не знал, чувствовал ли ярость или грусть. Я больше ничего не знал. Мир стал туманным, лишенным ориентиров. Я покупал себе свитера (хлопок) «Джей Крю», рубашки (оксфорд) «Банана Репаблик», костюмы (легкие в полоску) «Ральф Лоран», носки (шотландская шерсть) «Брукс Бразерс». Я покупал хот-доги со сладкой горчицей, журналы, пахнувшие лосьоном после бритья из-за рекламных вкладок. Я брал напрокат старые видеофильмы. Я пересмотрел «Если…» с этой мерзкой рожей Малколма Макдауэлла.[84] Он там совсем молодой. Еще не успел сняться в «Заводном апельсине».[85] Вы помните ту песенку, и как он трахнул официантку из паба, и перестрелку на крышах в конце? Я бы тоже тогда пальнул во все, что движется. У меня действительно было желание кого-нибудь убить. Как это делается? Это страшно? Кровь брызгала на вас? Повсюду были мозги? Моя борода продолжала расти. Скоро я перестану себя узнавать. Еще один вечер. Еще одна ночь. Я перелез через бархатную ленту заграждения. Растолкал людей, толпившихся на тротуаре. Вышибала с мобильником пропустил меня. На сцене педик в женском платье нес какой-то бред, из которого я не понимал и половины. Я уловил что-то вроде *blow job* и *cocksucker*.[86] Тут вам не кино. Не хватало субтитров. В баре справа от лестницы я заказал «текила-санрайз» (не заказывал его сто пятьдесят лет). Травести продолжал браниться спитым голосом посреди криков и свиста. После каждой фразы он громко и отрывисто хохотал. Зал аплодировал. Я заказал еще порцию. Девушка на соседнем табурете поинтересовалась, француз ли я. Меня выдал мой акцент. Она из Бордо, и у нее был нейлоновый рюкзачок. Работала на Уолл-стрит. Она пила мятный джулеп. Водила по губам зеленым листиком.

— Что вы делаете в Нью-Йорке?

— Приехал убить одного человека.

Она решила, что я шучу. Люди никогда не верят, если вы говорите серьезно. Надо было прихватить с собой пушку. Тогда бы она увидела, шучу ли я. Но в этом заведении на входе был металлодетектор, как в аэропортах. Чертов город. Ебаные придурки. Девушка из Бордо попыталась прикурить сигарету, потом передумала и бросила ее в свой едва початый стакан.

— В чем дело?

— Ни в чем. Я слушаю, что он говорит.

Она приходила каждый вечер. Травести звали Кристал — или Кристаль, с мягким Л. Мне даже не захотелось трахнуть эту

француженку. Хотя она была ничего себе. Черные шлепанцы, изящные ножки, шелковая ярко-красная юбка, в меру расстегнутая блузка, джинсовая куртка и этот слегка изможденный вид, который так нравился мне в некоторых женщинах после десяти вечера. Но не днем. Разговор вертелся вокруг фильма, который она посмотрела в самолете, в своей последней поездки в Париж, официального бюллетеня «Ночей в стиле буги»,[87] сэндвич-бара в Бруклине, музыкального продюсера, который хотел на ней жениться, будучи при этом голубым, запаха рыжеволосых (она к ним не относилась), отеля на Сейшелах, члена Леонардо ди Каприо,[88] подъемников в Пас-де-ла-Каса в Пиренеях,[89] цвета песка в Австралии, герпеса, Филиппа Джиана,[90] который больше не жил на набережной Шартрон, рекламной кампании, которую я провел для несуществующего продукта (и не только не был уволен из агентства, но приобрел всемирное признание), Натали Мёрчант, [91] Берлина (города, в котором полно немцев), «Кафе дель Мар», вируса Эбола, скульптора, жившего в Сохо и дружившего с Филиппом Соллерсом.[92]

— Кто это?

— Один бордосец. Красивый свитер.

— «Гэп».

— Довожу до вашего сведения: у вас в Париже — точно такие же.

Она разглядывала меня с чрезмерным вниманием.

— И вы даже не собираетесь со мной флиртовать?

— Я не знаю, что значит флиртовать. Я не слышал этого слова со времен раннего Средневековья.

— Ну и сноб.

Официант поставил передо мной еще одну порцию «текила-санрайз», хотя я ничего не заказывал. Мне уже поднадоело болтать с француженкой. Она стреляла глазами по сторонам.

— Ждете кого-нибудь?

— Да, именно.

Ее рука двигалась у нее перед лицом. У нее была почти черная помада. Вот так повезло: проникнуть в один из самых закрытых клубов Манхэттена, чтобы наткнуться на эту чертову француженку, которая к тому же вкалывает на Бирже. Толпа становилась все теснее. Тела вдавливались друг в друга. Ночь была на исходе. На смену занудству травести пришла музыка. Из подвешенных к потолку прожекторов, казалось, валил дым. Обивка из узорчатого бархата должна была впитывать все запахи. Кроме табуретов у бара, сесть было не на что. Стаканы были из прозрачного пластика.

— Это из-за СПИДа, — сказала моя соседка.

Я забыл ее имя. Клоэ? Стефани? Габриэль? На ней не было лифчика. Когда она наклонялась, я видел кусок ее левой груди. Она оторвала фильтр от сигареты, прежде чем закурить. Это напомнило мне кого-то. Дым выходил из ее ноздрей двумя параллельными линиями. Пол под ногами был усеян блестками. Техно не слишком уж оглушительно. Снаружи была ночь, убийство, ложные клятвы. В Париже шесть утра. Я провел ладонью по лицу. Я так больше не мог. Фотовспышка осветила угол зала. Снимали знаменитость недели. Соотечественница уточнила, что этот человек получил право попасть на обложку престижного журнала. Здоровяк в черном костюме с трещащей рацией вынырнул из-за барной стойки. Его близнец в такой же одежде, но с наушником в ухе направился к лестнице. Француженка приняла мечтательный вид. Она думала о чем-то своем. Я чуть было не спросил, о чем. Мне было наплевать на ответ.

Люди выкрикивали имена. Спор был слишком шумным. Девушка оторвала половину ногтя зубами. Она и впрямь странная. Мне хотелось, чтобы она ушла. Вали отсюда, дура. В двадцать лет я говорил вот так о девчонках и не парился. Дура, лахудра, чмошница — за термином не приходилось лезть в карман. И эти термины никогда не были лестными. Возможно, они употребляли нечто подобное в наш адрес. Я чувствовал, как кровь густеет в моих венах. Я внезапно оказался как будто в огромной печи. Целая армия лилипутов долбила мой череп кирками.

— Тупая ослица.

— Что вы сказали?

— Какая тут улица?

— Западный Бродвей.

— А-а-а.

— Вы не знаете, где находитесь?

— Нет, теперь уже не совсем.

— Тогда вы настоящий нью-йоркец.

Что она говорила? Ее бормотание нельзя было разобрать. В ее улыбке были искренность и надежда. Я улыбнулся презрительно и устало. Взял ее руку и поцеловал. От такой смелости она хихикнула.

— Что у вас в рюкзаке?

— А, а? Все мои секреты.

— И все туда помещаются?

Рядом с нами чернокожий с бритым черепом и золотой цепью поверх фиолетовой водолазки пил калифорнийское шампанское.

В динамиках взорвался голос Мадонны.[93] Я пытался привлечь внимание бармена. Дура из Бордо жестом показала, что достаточно. Извинившись, удалилась в туалет. Молния на ее рюкзачке была открыта ровно на треть, если я не ошибался в подсчетах. Я был весь мокрый от пота. Швы брюк терли мне ноги. Я попытался что-то сказать шмыгающей носом блондинке, но она лишь пожала плечами в ответ. Она глядела на меня, стиснув зубы. Даже под пытками невозможно было бы определить, это гримаса или улыбка. Уже действительно поздно. Мой язык начинал заплетаться. Я никого не знал. Мне начинало становиться скучно. Я знаю, вы в очередной раз скажете, что были в «Студио 54»[94] на дне рождения Бьянки Джаггер,[95] и она приехала верхом на белой лошади. Довольно с меня ваших былых подвигов. Я чувствовал себя свободным и несчастным. Я бы так хотел быть здесь вместе с Мод. Я бы так хотел никогда не встречать вас.

Меня схватили за локоть. Девица из Бордо предлагала трахнуться.

— Где же?

— В сортире.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Я пошутила.

Она втянула через соломинку остатки из своего стакана. Взгляд ее удивительным образом вдруг сделался грустным. Глаза были чересчур широко расставлены. Я был в нерешительности.

— Вам следовало бы покончить с собой, — сказала она.

— Я уже умер.

Она потрепала меня по щеке.

— Где вы научились зарабатывать столько денег?

— Мои разводы. Отличная была тренировка. Но имейте в виду, я всегда сама платила за аборты.

Я глупо ухмыльнулся. Мысль о том, что мы с Мод не поженились, приносит мне мимолетное облегчение. Две двойняшки, одинаково одетые, танцевали вместе. Их груди ритмично тряслись, когда ноги приседали. Они умели танцевать. Они танцевали здорово. Даже если бы на них не были надеты одинаковые платья, их невозможно было бы различить. До знакомства с Мод я не имел ничего против перспективы перехватить любую подходящую девчонку, хотя бы для пробы. Эта блажь прошла. Речь больше не шла о верности — скорее о большой усталости. Я догадывался, что произойдет. Пальцы, пробирающиеся под одежду, раздвинутые ноги, язык, работающий сразу везде, тот же старый пыл. Большое спасибо.

Валери из Бордо порылась в рюкзачке и вытащила ванильный

«Чупа-Чупс». Сняла обертку и засунула леденец в рот. На правой щеке образовалась шишка. Она была практически единственной, кто здесь улыбался. Клиенты кривили морды. Нарочно. Было бы вульгарно показывать, что тебе весело. Не знаю, зачем я вам все это говорю. Какое вам дело до нью-йоркских модных клубов? Через три месяца этот клуб закроют и заменят другим.

— Эй, меня зовут Стефани, а не Валери, — сказала девица из Бордо.

Она исчезла на танцполе. Вечер становился совсем уж необычным. Эта девица. Что я в ней нашел особенного? Я вышел и поднял руку, подзывая такси.

Горничная робко постучала в дверь. Я безапелляционно заорал: *Нооооо!* Она не стала настаивать. Меня снова вырвало. Что я такое съел отвратительное? Я стоял на коленях перед унитазом, затянутый в вонючую майку на два размера меньше. Пришлось несколько раз спускать воду, чтобы смыть всю эту дрянь, крутившуюся в водовороте разноцветных разводов. Может, у меня температура? Или это все еще разница во времени. Я дотащился до кровати и зарылся лицом в подушку. Она пахла лавандой. Я скинул ее на палас. Я проснулся от приступа кашля. Электронные часы показывали 22:13. Я был измотан, но мне уже было получше. Мне приснилось, что у меня выпали почти все зубы. Сидя в ресторане с заказчиком, вдруг почувствовал, как зубы отделяются от десен. Мой язык осторожно ощупывал чудом удержавшийся резец. Я извинялся и уходил в туалет, чтобы достать вставные зубы. Простите, если мои сны еще отвратнее, чем реальность. Я вскочил как ужаленный. Взял из мини-бара «колу-лайт» и выпил прямо из горлышка. Я старел: мне уже даже не удавалось рыгнуть, когда я пил «кока-колу». Я забыл в Париже свою бритву.

Вдруг у меня появилась идея.

— Я тебя разбудил?

— Нет, — сказал я, переворачиваясь под одеялом.

Почему мы так часто врем, когда дело касается сна?

Я откинулся на спинку кровати. Это был Давид. Я оставил ему сообщение. Он фотограф, уже скоро десять лет, как в Нью-Йорке.

Я купил новый «Жиллетт Мах 3». Ни одного пореза. Ни одной струйки крови на подбородке (подумать только, эти козлы отказались доверить нам свой бюджет). Я вспомнил, что мой отец пользовался только электрической бритвой. Дул на сеточку, и

тысячи черных точек оседали на белой раковине. Чего это я вдруг подумал про отца? Я не видел его много недель. Все это время он, несомненно, был на своей вилле на Майорке со своей очередной дурой. Я принимаю душ, изучаю флакон шампуня одной норвежской марки (надо поговорить о ней с Борисом), вытираюсь махровым полотенцем, импортированным из Египта, сажусь напротив телевизора, настроенного на канал «VH1», на кожаный диванчик, расписанный одним французским декоратором (не тем, который реставрировал Елисейский дворец, другим). Ногти на ногах слишком длинные. Мод всегда напоминала мне вовремя стричь их. Кстати, для вас и только для вас, вот список вещей, которые Мод не переносит в мужчинах:

— когда они сморкаются в раковину,

— когда они не опускают сиденье унитаза,

— когда они кидают свои рубашки в грязное белье, не расстегнув пуговицы на воротнике и манжетах,

— когда они переключают без разрешения телеканалы.

Я приготовил себе шипучий витамин. Таблетка забавно пританцовывала в стакане, как летающая тарелка в фильмах Эда Вуда.[96] Вода окрасилась в химический оранжевый цвет.

Наступил день. Я побрился, помылся и навел лоск. Взмах расчески. Глаза у мен красные и блестящие. Я засовываю магнитный ключ в карман рубашки и выхожу.

Встреча с Давидом:

— Тебе нынче сколько?

— Сорок три.

— Выглядишь старше.

— Вот твой стакан.

— Мне безо льда. Кого видел в Париже?

— Все тех же. Родольф, Клаудиа, Мартина, Зелин — ты ее знаешь?

— Ну, ясное дело, знаю. Даже трахался с ней как-то вечером в люксе.

— Что, правда, спал с ней?

— Ну да. Она жила одно время с тем дантистом с улицы Этуаль, о котором ходили легенды по всему Парижу. Он потом встречался только с актрисками, которые все старались его разорить.

— Ты знаешь, «Пон-Руаяль» закрыли?

— Уроды. Ты помнишь Бернара, блондинистого бармена, который всегда рассказывал анекдоты? А Лора, Лора Дандьё, что с ней?

— Все еще не замужем. В депрессии. Думаю, она на

электрошоке.

— Славная старушка Лора. Ее диск был совсем неплох, а?

— Да, да.

— Это не она все время собиралась за кого-нибудь замуж?

— Это не мешало ей хвастать, что она разбила двадцать два брака. Ты видал «Барселону»?[97]

— Дважды. Не знаешь, где можно достать кассету?

— Нет, но это я делал фото для афиши.

— Да ну! Я думал, это рисунок Ле-Тана.

— В Париже, возможно. Но здесь было фото.

— Ты уверен?

Обед длился недолго. Давид не был голоден. Орала музыка. Меню было на итальянском. Весьма известная манекенщица подошла к Давиду и поцеловала его в губы.

— Привет, крошка.

— Привет.

Она удалилась. Меня он с ней не познакомил.

— Ладно. У меня есть та штука, что ты просил.

Штука была завернута в клетчатый платок. Напоминала детскую игрушку. Я спрятал ее в пластиковый пакет из «Тауэр Рекордс». Давид засунул доллары в карман, не пересчитывая.

— Калибр шесть тридцать пять. Будь осторожен. Заметь, я ни о чем тебя не спрашиваю.

Рядом с нами девушки обсуждали *breast feeding*.[98] Одна прочла, что от кормления грудью женщины быстрее стареют. Они начали с «колы-лайт», затем перешли к испанскому красному. Одна из них назвала Нормана Мейлера и Филиппа Рота[99] женоненавистниками.

Давид не стал брать десерт. К своему карпаччо из рыбы-меч едва притронулся. Он ушел первым.

— Я пошел, чувак.

— В Париже никто больше не говорит «чувак».

— Но мы не в Париже, чувак.

Он оставил счет мне. Это следовало само собой. Я так часто пользовался своей карточкой «Американ Экспресс», что от нее скоро ничего не останется.

Теперь я себя чувствую себя усталым, но я в порядке. Я прочитал в «Нью-Йоркере» статью о последнем фильме Скорсезе.[100] Ни рыба ни мясо. Я снова сделал заказ в номер. Кофе появился лишь спустя три четверти часа. Тосты были сырые и холодные, масло — очень твердое и совсем не намазывалось. Я высыпал сахар из всех пакетиков в чашку и, зажмурившись, выпил теплую отвратную бурду. Потом несколько раз отжался. На ковре

остались отпечатки моих пальцев.

Я налил себе апельсинового сока. На кровати лежала развернутая карта Вермонта.

Я попросил портье помочь мне с арендой машины.

— Вы уезжаете, сэр?

— Только на одну ночь. Оставьте номер за мной.

В прошлом месяце я пошел предупредить своего начальника, что собираюсь взять годичный отпуск. В его кабинете вся мебель была от Кристиана Лиэгра.[101] Я изучил крокодиловые ботинки Бориса: сколько они могут стоить. Мокасины из крокодила! Я должен был во что бы то ни стало оставить рекламу хоть на какое-то время. Я вернулся в студию, где работали креативщики. Дамьен говорил Родольфу, что любовь живет три года, не более. Родольф ответил, что не понимает, о чем речь. Любовь — что это вообще такое? Принесли заказанные по телефону суси. Дамьен, у которого инициалы были вышиты на левой стороне рубашки, расплатился с разносчиком вовсе не азиатской наружности и предложил мне суси-маки с огурцом.

— Огурцы — никогда, — сказал я тоном генерала де Голля,[102] выступающего с обращением 18 июня.

Для меня дело было закрыто. Я посылал к черту свою машину, зарплату, счета, сшитые на заказ костюмы — все то, что заставляло меня ощущать собственную значимость.

На улице лило как из ведра. Небо наполняли грозовые раскаты. Вечерело. Я велел таксисту ехать на Елисейские Поля. На перпендикулярных улицах движение было замедлено. В Нёйи дождь стал стихать. Дворники начали поскрипывать по стеклу.

Потасовка на тротуаре. Два араба в крови. Полиция забирает их, проверяет документы. Драка в пригороде. Рашид трахнул сестру Идриса. Омар подсунул дерьмовый героин Тахару. Огни мигалок в ночном Париже. Испуганная толпа. В ход пошли ножи. Японские туристы не решались фотографировать сцену. Я купил диски в «Вёрджин». На улицах Парижа мне встречались женщины. Ни одна из них не была Мод. Они даже близко не были на нее похожи. Ни с кем, кроме Мод, мне не хотелось вступать в связь. Это было некстати. Короткая любовная связь, наполненная очарованием и неожиданностями, пошла бы мне на пользу. А, может, напротив, вызвала бы отвращение. Я вернулся домой и отложил еще на день свое самоубийство. Темнота липла к окну, как будто стекла выкрасили в черный цвет.

Перед тем как ложиться спать, я позвонил Мод, пытаясь представить ее в этой квартире с окнами на Центральный парк.

После первого же гудка трубку сняли вы. От удивления я повесил трубку. Я приготовил шутку для Мод, а для вас у меня ничего не было.

Первые километры я придерживался правого ряда, но машины едва тащились. Я начал обгонять. Я въехал в тоннель, потом свернул на объездную дорогу. На зеленых щитах цифрами были обозначены направления. Дорога расширилась до четырех полос с разделительной. Я слышал щелканье поворотного сигнала грузовиков. Я остановился на стоянке для отдыха, выпить кофе. Снова быстро двинулся в путь. Гравий брызнул из-под колес. На скоростном шоссе я ехал за колонной грузовиков с полуприцепами, от гудков которых дрожали стекла. После Беннингтона начался жуткий ливень. Я обгонял, выстреливая облаками пара. Следил за движением, нервно постукивая указательным пальцем по верхней части руля. У неба больше не было определенного цвета. Через несколько километров показалось солнце. Пару раз я сбился с дороги. Позже снова начался дождь. Гроза разразилась, как война, без объявления. Капли разбивались о лобовое стекло, огромные, как ватные шарики для снятия макияжа, которыми Мод пользовалась в ванной. Молния осветила холмы. Раздался гром. Я всегда забываю: во время грозы нужно оставаться в машине или, напротив, немедленно покинуть ее? Я продолжал ехать дальше. Повсюду на асфальте валялись сломанные ветки. Приходилось резко выруливать. Я проехал несколько населенных пунктов, более-менее похожих друг на друга своими центральными улицами с продуктовыми магазинами и видео-клубами по обеим сторонам. На флагштоке развевался флаг. Иногда на газоне стояла статуя. Но не Статуя Свободы. Рано стемнело. Указатели внезапно выскакивали из темноты. Я превратился всего лишь в две фары на ночной дороге.

В отеле хозяйка протянула мне карточку, на которой были перечислены действия, которые необходимо было предпринять, чтобы открыть дверь после двадцати двух часов.

Press 1 and 2 together — release.

Press 5 and release. Turn doorknob clockwise.[103]

Последняя строчка уточняла, что завтрак подается с 8:30 до 9:30.

Я уехал раньше.

Вы очень хитро все разыграли. Вас нельзя упрекнуть в обратном. Попросить Мод перевести на французский ваши неизданные новеллы — признаюсь, лучше и не придумаешь. Весь

мир только и ждал свеженького Брукинджера.

Вот и я. Еще два-три километра, и дорога пойдет вверх. Подъем был совсем незначительный. Еще один поворот — и приехали. Я оставил машину в стороне от дороги, довольно далеко от владений. Кажется, я шел долго. Вокруг не было ничего, кроме темноты. Я упорно смотрел вперед. На одной из развилок остановился перевести дух. Я ничего больше не узнавал. Дождь перестал. Несмотря на плащ, я промок до костей. Мои ботинки вязли в мягкой земле. Я вытер лицо бумажным носовым платком, который мохнатился. Я чувствовал, как при каждом шаге чмокает в моих ботинках. Я мог заблудиться, бродить часами и погибнуть от холода в этом лесу. Никто не знал, где я нахожусь. Я боялся уснуть, полностью отрезанный от внешнего мира. Неужели я должен сдохнуть в этой чаще, в этом синеватом одиночестве? Я вспомнил тот видеофильм, имевший колоссальный успех, где три режиссера-любителя были убиты в таком же лесу.[104] Может, они снимали свой фильм где-то в этих краях. Мне постепенно становилось страшно. Не хватало еще наткнуться на психа с пилой.

Я услышал вдали собачий лай. Собака, должно быть, была огромная. Так, надо прийти в себя. Туда, прямо. Я продолжил бодрым шагом. Я погружался в небытие. Я уже перестал задавать себе вопросы. Ворот плаща натирал шею. Я вышел на поляну. Ручей пересекал ее наискосок. Я срезал направо, под деревьями, выстроившимися в аллею. Это место мне что-то напоминало. Я перелез через изгородь. Готово.

Я узнал дом. В больших окнах первого этажа горел свет. Добротный старый дом. Глухо шумели трубы отопления. Электричество было непредсказуемым. Я шпионил за вами. В небе перемигивались звезды. Почти полная луна напоминала блюдце со сколом. В вашем домике горел свет. Я прошел еще несколько метров и укрылся за деревьями. Я видел, как вы печатали в своем кабинете, подняв на лоб полукруглые очки. На вас поверх футболки была надета рубашка с засученными рукавами. Вы косили под молодого. Такую одежду посоветовала вам Мод. У нее всегда были идеи насчет одежды. Ее никогда ничего не устраивало. Мне тоже пришлось натерпеться. Сколько раз она заставляла меня переодеваться перед уходом. «Ты же не собираешься идти в этом!» Брюки не сочетаются с ботинками. А теперь пиджак. О, нет, только не этот галстук. Это длилось бесконечно. Полагаю, вы теперь всегда опаздываете, куда бы вас ни приглашали.

Вы встали с листком в руке. Когда-то от подобного зрелища у

меня замерло бы сердце. Великий писатель в интимной обстановке. По моим наблюдениям, вы сначала напечатали черновик на старенькой машинке, сидя за письменным столом. Выдавали по одной странице за раз. Когда результат вас удовлетворял, вы перепечатывали страницу на компьютере, стоявшем на своего рода аналое. Техника вас не пугала. Вы печатали стоя, нацепив очки на кончик носа. Вот нажали на кнопку. Новая страница выскочила из принтера, стоявшего на столике слева, где вы хранили свежие газеты. В папке были относящиеся к вам вырезки из газет. Вы продолжали собирать их, спустя все эти годы. Они всегда шли в рубрике «Люди». Будь я на вашем месте, я счел бы это несколько оскорбительным.

Вы перечитывали эту страницу, ходя от стены к стене. Тогда и только тогда листок присоединялся к кипе предшествующих возле машинки. Меня поразил педантизм, с которым вы положили его на кучку белой бумаги. Наверняка зазвонил телефон. Я ничего не слышал, но я видел, как вы подняли трубку. Вы едва произнесли слово, прежде чем положить трубку назад. Уходя, вы погасили свет. Я спрятался за ствол дерева. Ужин готов. Мод, должно быть, ждала вас в большом доме. Сладкая парочка.

Тогда вот что. Выгляните же в окно. Я где-то здесь, снаружи. Вы меня не видите. Думаю, скоро придет час. Какое-то время я прятался в покрытом мхом шалаше на дереве. Пахло старой древесиной, сыростью. Я не знал, что делать с револьвером. Боялся, как бы он не выпал из кармана моего плаща. Если я засовывал его за пояс, он давил на живот. Я держал его в руке. Сталь холодная, враждебная. Каждые две минуты я проверял предохранитель. Вы ходили туда-сюда по гостиной. Я не видел Мод, я нигде ее не заметил. Где же она? Не говорите мне, что она вас уже бросила. *Не говорите мне этого*. Она не сделала этого с вами. Скажите мне, куда она уехала. Но вы, конечно же, ничего не знаете. Мы слишком много думаем о женщинах, которые уходят. Они здорово умеют спрятаться, раствориться в городской жизни. Вокруг них заговор молчания. Вносят себя в закрытый список телефонных абонентов, их ни для кого нет дома. Помнится, вначале, когда я не знал, куда ушла Мод, я искал ее новый адрес на почте через публичный «Минитель».[105] Я стоял в холле, нажимая на клавиши, отказывавшиеся предоставить информацию, которая могла спасти мою жизнь. Ничего на ее фамилию. Ее мать сменила номер. Не знаю, сколько времени я стоял там, перед экраном с мелкими светящимися буковками. Всякий раз, останавливаясь, я замечал, что задерживаю дыхание.

Всякий раз было чувство, что меня двинули кулаком в живот. Я думал, каково мне было бы теперь, если бы я трахнулся с Мод. Я хочу сказать: зная, что вы засовывали свой старческий член в ее штуку. Вот какие мысли копошились у меня в голове, когда я готовился вас убить. Нечем особо хвалиться. Я снова увидел ее груди с торчащими сосками, чуть расходившиеся в стороны, когда она лежала на спине. Она будет так же закрывать глаза? Произносить мое имя? Или шептать ваше? Я и тебя убью, Мод, ты это знаешь. Мне совсем не нужна твоя жалость, точно не нужна. Может, надо было жениться на первой же девчонке, которую поцеловал, и на этом успокоиться?

Вы начинаете понимать, к чему я веду. Пот выступает на вашем лбу, струится по спине. Признайтесь, вы этого не ожидали. Такой милый французик, почитатель вашего творчества. Вы же не думали, что я буду сидеть просто так и никак не отреагирую. Вам придется заплатить за ту подлость, что вы мне сделали. Подлость за подлость — моя, кстати, тоже ничего. Хотите пари? Вы скоро увидите.

Я скажу вам кое-что про Мод: я вам ее оставляю. Можете взять ее себе.

Мне понадобились месяцы, чтобы понять очевидное: Мод больше не вернется. Сначала мне было трудно в это поверить. Я цеплялся за малейшую надежду. Тепло простыней. Уютный и обманчивый комфорт. Я говорил себе, что так не бывает. Одна деталь от меня, видимо, ускользнула. Она сказала мне как-то: «*Я знаю, что ты хотел бы, чтобы я была другой*». Я думал об этом, я долго об этом думал. Недели напролет я не мог заниматься ничем другим. Меня нечасто видели в агентстве. Борис пошел мне навстречу. Креативщик, черт побери. В какой-нибудь другой жизни мы были бы способны это вынести. Я ищу объяснение предательству Мод, но всякий раз объяснение превращается в оправдание, и я тотчас же прекращаю это дело. Было слишком поздно возвращаться назад. Это займет столько времени, сколько нужно, но я забуду ее. До сих пор мне недоставало сил.

Я еще никого не убивал. Точно не знаю, как это делается. Я и оружие — как-то не вяжется. Я был освобожден от военной службы. Вот мой отец был человеком жестоким. Он бы из вас котлету сделал. Сколько раз я видел, как он бил морду незнакомцам на улице, которые не так на него посмотрели, слишком громко гудящим водителям или людям за соседним столом в ресторане, если они сказали такое, что ему не

понравилось. Я жалел, что его не было рядом. Он бы помог мне.

У крови есть запах? Идея в том, чтобы вы умирали бесконечно долго. Нужно быть очень осторожным, точно прицелиться. Было бы глупо сразу убить наповал. Медик бы знал, куда нужно целиться. Начать с коленных чашечек, по пуле в каждую, здесь никакого риска. Вы это хорошо почувствуете. В одном вестерне Стив Маккуин[106] подверг такой пытке негодяя, убившего его родителей. Он на этом остановился, оставив мерзавца подыхать на берегу реки. Течение уносило красный след. Тип орал в воде. Только не в голову и не в область сердца. Подозреваю, в вашем возрасте сердце и само не выдержит. Запрещаю вам падать в обморок. Не портите мне месть, пожалуйста. Лучше уж наложите в штаны от страха. Ваши брюки будут запачканы коричневыми пятнами. Великий писатель умер с полными штанами дерьма. Представляете себе заголовки! Я закончу работу ударами топора или ножа. Губы беззвучно шевелятся. Лезвие касается кости. Ваша черепная коробка — сплошное месиво. Зубы трещат. Кровь во все стороны.

Мод? Ее-то я уложу на месте. Не хочу, чтобы она морочила мне голову, как она умеет. Хороший удар по черепу, руки связаны за спиной. Я заклею ей рот большущим куском пластыря. Разбужу ее пощечинами, плесну водой в лицо. Она должна увидеть весь спектакль. Она не может пропустить это. Она это заслужила.

Я чуть было не сделал это. Я правда чуть было не сделал это. Понимаете, нужно было, чтобы я отправился в ад. Теперь ваша очередь попробовать. Я достаточно насмотрелся. Револьвер — это просто смешно. Я повернул обратно. У меня было другое решение. Я вернулся, не спеша, соблюдая скоростной режим. На каком-то мосту я остановился и швырнул оружие в воду. Я придумал план получше.

Я заставлял себя смотреть на вас по-новому. Я не хочу бесконечно видеть в вас мерзавца, который увел у меня подружку. Я больше не буду представлять себе, как вы трахаете Мод. Семьдесят лет! В идеале я должен бы пожалеть вас, будто вы прожили множество жизней, и старость-подлюга караулит вас — ужасное чувство. Вы здесь, в своем доме, полном прошлого. Вы же не думаете, что у вас с ней это долго продлится? Она, в конце концов, избавится и от вас, выйдя замуж за дантиста, и оба мы останемся в дураках.

Я в вас просто не выношу одного — что вы постоянно предлагаете мне сигарету. Я не курю, черт побери. Зарубите себе это на носу.

«Страдание — хороший учитель», — сказали вы мне однажды. Вы еще многое узнаете. Ваше уединение рассыплется на куски. У вас есть подходящее английское слово: *devastated*.[107] Звучит лучше, чем «разрушенный». В другой раз вы сказали: «Реальности недостает материальности». Не сердитесь. Уж я придам ей этой материальности. Не останется ничего, кроме тени и тишины. Тогда будет уже поздно.

Я приготовил себе «джин-тоник» из маленьких бутылочек в мини-баре. Один глоток — и я снова на дискотеках моих восемнадцати лет. Снова чувствую запах сигар и дезодоранта, который начинает подкисать. Слышу «Я не влюблен» группы «1 °CC».[108]

Завтра я возвращаюсь в Париж. Самолет взлетит под углом к земле. На время взлета в салоне погасят основное освещение. С высоты огоньки пригородов будут напоминать экран компьютера. Самолет пройдет сквозь сиреневые облака. Я буду взирать через иллюминатор на черное небо, на необъятность ночи. Я засну. Затем настанет утро. И не будет ничего, кроме неба и моря.

В Нью-Йорке я сделал ксерокопию этого письма. Я адресовал второй экземпляр в «Нью-Йорк Таймс». Должен сказать, что их это заинтересует. Они поместят вашу историю на первой странице в воскресном приложении. У вас есть подписка. Вы найдете его в своем ящике.

Сами понимаете, как они ухватятся за эту находку. Брукинджер разоблаченный. Тридцать лет все этого ждали. И понадобился французик, чтобы сорвать большой куш. «Бедный парижский рогоносец». Вы с Мод можете плевать мне вслед, глядя на статью. Теперь и я стану знаменитым. Я должен поблагодарить вас за это.

Внезапно все меняется. Беспокойство отражается на вашем лице. Куда же подевалось ваше очарование?

Сожаления? Вряд ли я буду их испытывать. Конечно, я действовал в порыве гнева. Меня слабо утешает то, что я испортил вам последние годы жизни. Желаю вам дожить до ста лет. Не думайте, что я не представляю себе последствий, которые будет иметь мой жест. Я все прекрасно знаю. Ваша тайна улетучится. Все былые предосторожности отныне окажутся ни к чему. Это довольно гадко.

Я делаю это не ради денег. Я не какая-нибудь шлюшка, которая рассказывает в своих мемуарах, как ей удалось трахнуться с вами, когда она в восемнадцать лет полгода жила в Вермонте. На такие истории вам наплевать. Я не хочу, чтобы вы

смешивали меня со всеми этими журналистами, ищущими признания.

Вначале я был как все. Я уважал ваше уединение. Если бы не история с Мод, я все держал бы при себе. Клянусь.

Печатные машины запущены. Переводчик хорошо сделал свое дело, нечего исправлять. Надеюсь, ради приличия вы не станете подавать в суд. Эй, полегче. Вы не знаете одну вещь. Я записывал большинство наших разговоров после того, как мы расставались с вами. Я так же поступал и в рекламе, где после каждого заседания фиксировал всякий вздор, который несли заказчики — и не только заказчики. Креативщики — это тоже было что-то с чем-то. Если собрать все вместе, я смог бы написать целый роман. Он будет продаваться, я уверен, что он будет продаваться. Надо будет только вместо заглавия поставить его розничную цену. Да, это будет круто. Нет, нет, я не записывал на пленку ваши заявления, настроения великого писателя. Мы не в романе Джона Ле Карре,[109] но я достаточно читал этого автора, чтобы знать, как подойти к делу; и потом мы все это видим в куче фильмов. Один из этих крошечных японских микрофонов, приклеенных прямо к коже пластырем. Только не на волосистой части, а то потом, когда придется отдирать, — туши свет!

Не важно. Все это имело смысл, даже если я уверен в одной вещи: прошлого не воротишь. Боюсь, увы, что оно не скажет нам также, что нас ждет впереди.

Я собираюсь выпить немного шампанского, в одиночестве. В мини-баре есть бутылка французской марки, жутко дорогая. *Salud, pesetas y amor*.

Лежа на кровати в своем номере, я слушаю последние записи «Крэнберриз»,[110] и клал я на вас, Себастьян Брукинджер.

notes

Примечания

1

Покидай поле без сожалений (*англ.*) — *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

22 января 1944 г. войска союзников высадились на итальянском побережье в районе Анцио в тылу германских войск.

3

Спасибо за кофе (*англ.*).

4

Норман Бейтс — персонаж фильма А. Хичкока «Психоз» (1960).

5

Шарлотта Рэмплинг (р.1946) — английская актриса. «Сиреневое такси» (1977) — фильм французского режиссера И. Буассе.

6

Двое работающих без детей (*англ.*).

7

Остров в Вандее (центральная часть Франции).

8

Они не пройдут! (*исп.*)

9

Курорт на Средиземноморском побережье Испании.

10

Патрик Деннис (1921–1976) — американский писатель. «Тетушка Мэйм» — культовый роман 50-х гг.

11

Пьер Ле-Тан (р. 1950) — французский художник-иллюстратор.

12

Фильм (1969) американского режиссера Сидни Поллака.

13

Гастрономический ресторан в Париже.

14

Золотистый морской лещ.

15

Витторио Гассман (1922–2000) — итальянский актер, режиссер, сценарист. «Фанфарон» (1962) — фильм режиссера Д. Ризи.

16

Вы хотите успеть на самолет или вы хотите погибнуть? (*англ.*)

17

Ингмар Бергман (р. 1918) — шведский кинорежиссер.

18

Федерико Феллини (1920–1993) — итальянский кинорежиссер.

19

Блез Сандрар (Фредерик Заузер, 1887–1961) — французский писатель. «Мораважин» (1926) — его роман, посвященный русской революции 1905 г. Французское название созвучно с «вагиной».

20

Поль Моран (1888–1976) — дипломат и писатель; член Французской Академии с 1969 г.

21

Сидни Роум (р.1951) — американская киноактриса.

22

Братья Гонкуры, Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870) — французские романисты, представители «натуральной школы». Эдмон основал Гонкуровскую Академию, присуждающую ежегодные премии в области литературы.

23

Каролина (р. 1957) — старшая дочь монакского князя Ренье III и его супруги, актрисы Грейс Келли.

24

Изабель Аджани (р. 1955) — французская киноактриса.

25

Городок к юго-западу от Парижа в департаменте Ивлинн; известен своим замком и окрестными лесами.

26

Городок в 35 км от Парижа и 18 км от Версаля.

27

Посторонним вход воспрещен (*англ.*).

28

Фильм, снятый в 1941 г. режиссером Орсоном Уэллсом.

29

Фрэнк Синатра (1915–1998) — американский певец и киноактер. «Странники в ночи» и «Чувства» (*англ.*) — песни из его репертуара разных лет.

30

Горнолыжный курорт в штате Колорадо (США).

31

Джек Николсон (р. 1937) — американский киноактер.

32

«Стили Дэн» — американская полистилистичная группа, пик популярности которой пришелся на 1970-е годы.

33

Джон Форд (1894–1973) — американский кинорежиссер.

34

Роман американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда (1896–1940).

35

Как мы справляемся с горем и утратами? (*англ.*)

За здоровье, деньги и любовь! (*исп.*)

37

Кэндис Берген (р.1946) — американская киноактриса. «Это плотское наслаждение» (1971) — фильм американского режиссера Майка Николса. «Мёрфи Браун» — телесериал 1988–1991 гг.

38

Нэт Коул (1916–1965) — американский джазовый певец и руководитель оркестра, получивший прозвище «Король» (King).

39

Департамент в центральной части Франции с административным центром в г. Тюль.

40

Вяленая говядина.

41

Поль-Жан Туле (1867–1920) — французский поэт и прозаик.

42

Франсуа Миттеран (1916–1996) — президент Франции (от социалистов) в 1981–1995 гг.

43

Площадь в Париже, напротив Эйфелевой башни; традиционное место сбора роллеров и скейт-бордеров.

44

Страна Басков расположена частично во Франции, частично в Испании. Баскское побережье — курортная зона вдоль побережья Бискайского залива, где находятся Биарриц, Байона, Сен-Жан-де-Люз и т. д.

45

Ежегодный гид-справочник по гостиницам и ресторанам Франции.

46

Горнолыжный курорт во французских Альпах.

47

Алжирское красное вино.

48

Джон Ирвинг (р. 1942) — американский писатель. Роман «Мир по Гарпу» (The World According to Garp) — одно из самых знаменитых его произведений. Здесь игра слов: «Gap» — известная американская марка молодежной одежды.

49

Джеймс Дин (1931–1955) — американский актер. «Бунтарь без причины» (1955) — фильм Николаса Рэя.

50

Уинслоу Хомер (1836–1910) — американский живописец и график. Эндрю Уайет (р.1917) — американский живописец. Эдвард Хоппер (1882–1967) — один из крупнейших американских художников XX в.

51

Джоан Баэз (р.1941) — американская фолк-певица; в 60-е гг. — активный борец за гражданские права.

52

Роберт Редфорд (р. 1936) — американский киноактер.

53

Шуаны — крестьяне Бретани и Мены, восставшие 1792 г. в защиту династии Бурбонов, в 1795 г. заключили мир с Конвентом, в 1796 и 1799 гг. снова восставали, но были покорены.

54

Трумэн Капоте (1924–1984) — американский писатель. «Осуществленные молитвы» (опубл. 1987) — его неоконченный роман.

55

Генри Манчини (1924–1994) — американский композитор, автор музыки более чем к 90 кинофильмам. «Печать зла» (1958) — фильм Орсона Уэллса.

56

Дин Мартин (1917–1995) — американский певец и актер, популярный в 50-е годы.

57

Город в Испании.

58

Курортный городок на Бискайском заливе во Франции, неподалеку от испанской границы.

59

Хранилище золотого запаса США на территории штата Коннектикут.

60

Натали Саррот (1900–1999) — французская писательница.

61

Курорт на Мадагаскаре.

До свиданья, пока (*англ.*).

63

8 декабря 1980 г. в Нью-Йорке Марк Чэпмен застрелил знаменитого участника группы «Битлз» Джона Леннона, за что был приговорен к пожизненному заключению. Любимой книгой Чэпмена была культовая повесть «Кэтчер во ржи» американского писателя Дж. Д. Сэлинджера (р. 1919), известного своим затворническим образом жизни.

64

Итальянский горнолыжный курорт.

65

Престижная французская кинопремия.

66

Мэрилин Монро (Норма Джин Бейкер, 1926–1962) — американская актриса; скончалась при невыясненных обстоятельствах.

67

Крупнейшая американская телекоммуникационная компания.

68

Джексон Брауни (р. 1948) — американский рок-музыкант, общественный деятель.

69

Фильм по роману Т. Капоте с Одри Хэпберн в главной роли был снят в 1961 г. режиссером Б. Эдварсом.

70

Пол Ньюман (р. 1925) — американский актер.

71

Стерлинг Хейден (1916–1986) и Берт Ланкастер (1913–1995) — американские актеры. Фильм «Последняя команда» снят в 1955 г.; «Убийцы» — в 1946 г.

72

Книги о приключениях маленькой девочки по имени Элоиза английская писательница К. Томпсон начала издавать в 1955 г.

73

Энид Блайтон (1896–1968) — детская писательница, автор нескольких сотен книг, в том числе серий «Знаменитая пятерка» и «Секретная семерка».

Прощай (*исп.*), хватит, кончено (*ит.*).

75

Селин Дион (р. 1968) — популярная канадская певица.

76

Магазин парфюмерии, существующий с 1932 г.

77

Парижский дворец спорта, престижная концертная площадка.

78

Гастрономический ресторан в Бургундии.

79

Вуди Харрельсон (р. 1962) — американский киноактер.

80

Марианн Фейтфулл (р.1946) — английская рок-певица. Альбом «Ломаный английский», ставший переломным для ее карьеры, выпущен в 1979 г.

81

В США небольшой продуктовый магазин (от нем. «деликатесы, закуски».).

Светлое и эль (*англ.*).

Пожалуйста (*англ.*).

84

Малколм Макдауэлл (р.1943) — британский актер. «Если…» (1968) — второй фильм с его участием (реж. Линдси Андерсон).

85

«Заводной апельсин» (1972) — фильм Стэнли Кубрика, снятый по одноименному роману Энтони Бёрджесса.

Отсос, хуесос (*англ.*).

87

«Ночи в стиле буги» (1997) — фильм американского режиссера Пола Томаса Андерсона.

88

Леонард ди Каприо (р. 1974) — американский киноактер.

89

Горнолыжная станция в Андорре.

90

Филипп Джиан (р. 1949) — французский писатель.

91

Натали Мёрчант (р. 1963) — американская рок-певица.

92

Филипп Соллерс (р. 1936) — французский писатель и издатель.

93

Мадонна (Луиза Вероника Чикконе, р. 1958) — американская поп-певица и актриса.

94

Нью-йоркская дискотека и ночной клуб, особенно популярный в 1970-е годы.

95

Бьянка Джаггер (р. 1945) — бывшая жена Мика Джаггера, солиста группы «Роллинг Стоунз», модель и светская львица.

96

Эдвард Вуд (1924–1978) — культовый режиссер низкобюджетного кино.

97

«Барселона» (1994) — фильм американского режиссера Уита Стиллмана.

Грудное вскармливание (*англ.*)

99

Норман Мейлер (р. 1923) и Филипп Рот (р. 1933) — американские писатели.

100

Мартин Скорсезе (р. 1942) — американский кинорежиссер.

101

Кристиан Лиэгр — французский дизайнер мебели.

102

Шарль Де Голль (1890–1970) — французский государственный, военный и политический деятель, первый президент V Французской Республики в 1959–1969 гг. Де Голль был идейным вдохновителем французского Сопротивления в годы Второй мировой войны; 18 июня 1940 г. он обратился по радио с призывом ко всем французам продолжать борьбу против фашистской Германии.

103

Нажмите одновременно 1 и 2 — отпустите. Нажмите 5 и отпустите. Поверните ручку по часовой стрелке (*англ.*).

104

Имеется в виду «Ведьма из Блэр: курсовая с того света» (1999) — низкобюджетный фильм ужасов американских режиссеров Дэниэла Мирика и Эдуардо Санчеса. Действие фильма происходит в Мэриленде.

105

Французская национальная сетевая информационная система; прообраз Интернета.

106

Стив Маккуин (1930–1980) — американский актер.

107

Опустошенный (*англ.*).

108

«1 °CC» — английская арт-поп-группа, пик популярности которой пришелся на 1970-е годы. «Я не влюблен» — их хит 1975 г.

109

Джон Ле Карре (Дэвид Джон Мур Корнуэлл, р. 1931) — английский писатель.

«Крэнберриз» (с 1990) — английская рок-группа.